

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВРЕМЯ КРИСТАЛЛАМ ГОВОРИТЬ

Фантастическая повесть-буриме

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

Геннадий ГОР, Александр ШАЛИМОВ,
Александр МЕЕРОВ, Илья ВАРШАВСКИЙ,
Андрей БАЛАБУХА, Ольга ЛАРИОНОВА,
Аскольд ШЕЙКИН, Дмитрий БРУСКИН,
Владимир ДМИТРЕВСКИЙ, Феликс СУРКИС

ВРЕМЯ КРИСТАЛЛАМ ГОВОРИТЬ

Фантастическая повесть-буриме

Время кристаллам говорить

Другие названия: Я - Галактика

Повесть, (год написания: 1967)

Повесть-буриме создавалась группой писателей-фантастов в период с декабря 1965 года по май 1967 года. При этом её постановка транслировалась на Ленинградском радио по мере готовности очередной главы. Поначалу повесть не имела названия; его определили в финале по итогам обсуждения вариантов, предложенных слушателями. Всего было написано и поставлено десять глав.

В создании повести участвовали не только «патентованные» фантасты, но и переводчик Дмитрий Брускин, и фантастовец Владимир Дмитриевский, что легко объяснить: все перечисленные лица были активистами Секции научно-популярной и научно-фантастической литературы при Ленинградской писательской организации Союза писателей РСФСР (СНПиНФЛ при ЛПО СП РСФСР).

«Я — Галактика» — это один из вариантов названия, предложенный радиослушателями постановки повести-буриме, которая по итогам получила название «Время кристаллам говорить».

Геннадий ГОР

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У Алексея Ивановича ныл зуб, из которого позавчера выпала пломба. Надо было идти к зубному врачу, и накануне, сгоряча, Алексей Иванович так и поступил. Но в поликлинике, на его счастье, не оказалось номерков, и вот теперь, мучимый надоедливой, занимающей все чувства болью, Капустин ругал себя за нерешительность: можно было подняться пораньше и занять очередь еще до открытия поликлиники. А нерешительность объяснялась просто, хотя и не делала чести доктору минералогических наук: Алексей Иванович Капустин, как и все остальные люди на Земле, боялся зубных врачей!

Зуб ныл и ныл, и Алексей Иванович изредка постанывал, потирая щеку. Но когда в дверь кабинета осторожно заглядывала Надежда Кузьминична, жена Капустина, Алексей Иванович напускал на лицо беззаботное выражение и деловито склонялся над столом. Кроме шелеста изредка отодвигаемой двери в комнате не было слышно никаких иных звуков, которые мешали бы работать. Мешали бы — если бы уже не мешал зуб...

Голос в тишине раздался неожиданно и внятно, и главное — возле самого лица Алексея Ивановича, словно бы внезапно заговорили „вечное перо” с фирменным знаком завода „Союз” или перекидной календарь, на листке которого Алексей Иванович уже давно и тщательно закрашивал чернилами кружок у цифры 9. Отчетливый невидимка сделал громкий выдох и сказал:

— Я — Галактика.

„Почему включают радио, когда я работаю?“ — раздраженно подумал Капустин.

И припомнил, что у него в кабинете радио нет.

Однако голос доносился именно из кабинета, очень близко от рабочего места ученого, можно было бы даже сказать — с поверхности широкого как хоккейное поле стола, к тому же обитого зеленым сукном. Звучать на столе ничего не могло — Алексей Иванович хорошо знал свои немудрящие, но мудрые и полезные вещи. До сих пор ни вечное перо, ни перекидной календарь не разговаривали.

Не выказывали подобной способности также книги, гора папок на подоконнике, полосатый стаканчик с цветными карандашами и коллекция камней. Тем не менее, голос был, звучал, доносился и повторял с короткими паузами, напоминающими ритмом чьи-то позывные:

— Я — Галактика! Я — Галактика! Подтвердите прием...

„Может, Надя во время уборки временно перенесла ко мне под стол магнитофон?“ — подумал Капустин.

Он, кряхтя, перегнулся через подлокотник кресла. Но ничего подозрительного под столом не усмотрел. Тогда Алексей Иванович сполз с кресла на пол, стал на четвереньки, неловко вывернул шею, оглядел столешницу снизу. Все равно никакого магнитофона под столом не было, а голос сюда доносился глуше, слегка притушенный старинным зеленым сукном.

В этот момент дверь в кабинет в очередной раз отодвинулась, Надежда Кузьминична приложила одним глазом к щелочке, но, не увидев Алексея Ивановича на привычном месте в кресле, отворила дверь пошире и сунула голову в комнату целиком. Вид супруга на полу, с нелепо вывернутой шеей, не так удивил, как рассердил ее:

— Алексей, — сухо сказала Надежда Кузьминична, — Алексей, ты погубишь брюки. Эта ткань плохо переносит пыль и трение. Хорош ты будешь у себя на кафедре с заплатами на коленях! Выйдешь читать студентам лекцию, а они будут не на доску смотреть, а на твои колени...

— Ты магнитофона не видела? — спросил Капустин, поворачиваясь к жене.

— Зачем тебе магнитофон? — спросила Надежда Кузьминична.

— Не могу понять, где от него шнур.

— Алексей, ты не смеешь портить брюки, даже если они тебе надоели, и ты собираешься купить другие! Что ты хочешь делать со шнуром?

— Но ведь надо же как-то выключить магнитофон? Отсюда далеко до розетки.

— А зачем у тебя магнитофон? Под столом?

— То есть, как зачем? — Алексей Иванович поднялся с пола, отряхнул колени. — Разве не ты его туда поставила? Ты всегда во время уборки переворачиваешь мои вещи вверх дном, а свои и вовсе оставляешь, где попало.

— Я не приносила магнитофона к тебе в кабинет. А уборка у меня намечена только на завтра! — Надежда Кузьминична обиженно поджала губы.

— Кто же тогда со мной разговаривает? Вот, слышишь?

Приятный женский голос — грудной, глубокий, очень похожий на голос артистки Людмилы Касаткиной — перебил их пустой, тягостный и необязательный диалог новым требовательным призывом:

— Я — Галактика! Я — Галактика! Мир Сплоченных Солнц вызывает Алексея Капустина.

Это уже не было похоже ни на радио, ни на магнитофон.

— Кто с тобой разговаривает? О чем ты?

Надежда Кузьминична окончательно распахнула дверь, вплыла в кабинет и озабоченно всмотрелась в лицо супруга. Щеки у Капустина были желтые и сухие как перележавшая на солнечном свете бумага, в глазах стоял какой-то подозрительный блеск.

Это не понравилось Надежде Кузьминичне. Она решительно прошагала к окну, открыла форточку, вернулась к столу и захлопнула толстую рукопись, которую Алексей Иванович правил до того, как его начала вызывать Галактика. Впрочем, в последнем он все еще не был уверен.

— Неужели ты ничего не слышишь? Вот, вот опять...

— Алексей! — прервала его Надежда Кузьминична. — Я не люблю, когда моим мужьям чудятся разные голоса. В кабинете никого нет, а радио в квартире выключено — ты всегда ведь этого требуешь!

— Может быть, радио действует у соседей внизу? — предположил Алексей Иванович. — Когда у них открыт балкон, я теряю мысли. Да еще это разбитое стекло — через него ко мне лезут все звуки города!

— Почему же я ничего не слышу? — Надежда Кузьминична повертела головой и сложила руки под грудью, что означало для Алексея Ивановича окончательный приговор. — Не слышу — и не жалею об этом! Потому что ничего такого и слышать не хочу! А про балкон ты не прав: соседи снизу уехали сегодня на дачу — я видела, как они выходили из дома.

— А если кто-нибудь из них незаметно вернулся и теперь включил приемник на всю мочь? — не сдавался Алексей Иванович, поглядывая на жену снизу вверх. Но и сам понимал, что спорит просто из упрямства, не желая остаться наедине с женским голосом, так неестественно и обидно повторяющим голос артистки Касаткиной, будто она сама сейчас спряталась у него на столе за подставкой перекидного календаря.

Но и верить, и не верить в артистку было одинаково нелепо: во-первых, Алексей Иванович не раз видел ее и в кино, и на экране телевизора, и понимал, что даже ее уменьшенная экранная копия не поместилась бы за подставкой; во-вторых, откуда артистке, живущей в своем мире искусства, точно в другой Галактике, знать про его, Капустина, существование? А ведь она знала, и звала его по имени, окликая из неведомой точки комнаты настойчиво и не без кокетливого смысла. Не верить в нее после этого значило бы не поверить в реальность и отнести происходящее на счет чуда. А чудеса Алексей Иванович признавал только одного рода — только созданные наукой, к которой он, условно, относил и себя, и поэтому таких чудес не боялся.

На всякий случай Капустин подошел к окну и выглянул на улицу. Из окна был виден двор с молодыми еще деревцами. Во дворе тройка школьников, сложив пирамидкой портфели, азартно катала мяч из угла в угол заасфальтированного пятачка. У подъезда стояла машина и грузила в кузов мусор, который по трубам мусоропровода слетал со всех этажей в темную железную камеру. Мотор машины гулко урчал, грузчики весело переругивались и громко стучали лопатами или крючьями — отсюда Капустин разобрать не мог. Он вспомнил, что мусоропровод в их квартире опять засорился, и надо было бы позвать специалистов оттуда, со двора. Он хотел уже так и сделать, но передумал: мусоропровод в квартире ломается гораздо чаще, чем разговаривает с ним неведомо откуда Галактика, да еще милым голосом Людмилы Касаткиной. Теперь уже Капустин не сомневался в двух вещах: это, конечно, не Касаткина, зачем ей притворяться Галактикой, и окликает она его не со двора, и уж, по крайней мере, не с балкона нижнего этажа, потому что через форточку голос доносился слабее, чем от его стола.

Алексей Иванович поспешно застегнул верхнюю пуговицу рубашки и снизу вверх посмотрел на свою дородную жену:

— Ладно, дорогая, я продолжу работу, оставь меня.

— Ты устал, Алексей, — воспротивилась Надежда Кузьминична. — Ты переутомился, и тебе мнутся всякие разговоры. Отдохни, давай сходим в кино, мы давно никуда не выходили. Говорят, привезли свежую французскую кинокомедию. Вот уж не понимаю этого слова, разве комедия может зачерстветь?

— Я пошутил про голоса, — торопливо остановил жену Капустин, усаживаясь в кресло и демонстративно раскрывая рукопись. — Считаю, что это у меня физкультурная пауза. Антракт между двумя главами...

— Но я пригласила на этот час стекольщика, нельзя же нам жить с разбитым стеклом?

— Он мне не мешает! — отмахнулся Капустин.

— Ну, как знаешь! — Надежда Кузьминична попятилась из кабинета, тихо притворила за собой дверь. Работу мужа она считала святым делом. Она готова была бы задушить своими руками любого, кто помешал бы ее Алексею заниматься!

Эпизод с голосами по-прежнему продолжал ей не нравиться. Уж у нее-то слух был отменный, не пропустила бы она каких-то там голосов! Чего-то Алексей не договаривал. Надежда Кузьминична была трезвая рассудительная женщина и, будучи женой ученого, естественно, не верила в чудеса. Все дело тут, безусловно, в переутомлении, в пошатнувшемся здоровье Капустина. Надо будет завтра сходить к Алексею в институт и выхлопотать путевочку.

Сам он, простая душа, никогда ничего для себя не попросит!

А к ней очень неплохо относится и.о. директора института Филипп Аристархович Колпакчи. Если что — поможет...

Конечно, положение было еще не таким, чтобы бить немедленную тревогу. И за домашними хлопотами Надежда Кузьминична вмиг забыла, или точнее, выбросила из головы посторонние голоса.

А между тем, в кабинете Капустина диалог, наконец, начал налаживаться.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Алексей Иванович, глядя прямо перед собой. Было невероятно трудно ронять в воздух этот безадресный вопрос, не зная точно не только, к кому обращаешься, но даже и того, в каком направлении помещается твой невидимый собеседник. А уж того, чтобы рассмотреть его лицо, не стоило и мечтать!

— Мы давно наблюдаем за вами, — ответил Капустину милый женский голос с середины стола, где стояла только коллекция камней. — Вы показались нам человеком, достойным контакта, способным принять идею иных миров.

— Кто это „мы“? Галактика — ваше прозвище? Или шифр организации?

Говоря это, Алексей Иванович начал по очереди вынимать из ячеек и подносить к уху разноцветные кристаллы, многие из них он сам привез из геологических экспедиций и знал истории их находок. Другие были подарены ему друзьями и учениками, причем, достаточно давно, чтобы успеть изучить их и к ним привыкнуть.

И все же сейчас Капустин был уверен, что источник голоса прячется в одном из камней.

— Мы — это объединенное человечество Мира Сплоченных Солнц. А Галактика? Определение этому слову вы найдете в любом земном словаре.

— Не хотите ли вы сказать, что вы — настоящая Галактика? Состоящая из вакуума, туманностей, межзвездной пыли и звезд?

— Да, так ваши астрономы называют скопления светил.

— Но тогда как вы можете говорить? И находиться здесь, возле меня? Какой гений или даже скопление гениев ухитрились втиснуть в двенадцать квадратных метров площади моего кабинета пространство в сотню миллионов световых лет? Я ведь не ошибаюсь? Ваша Галактика — не карлик?

Алексей Иванович один за другим прослушивал камни и откладывал в сторону. И через несколько минут без труда определил звучащий кристалл оптического кварца длиной сантиметров пять по большой оси. В его коллекции были камешки и поменьше, но все же для кристалла, который осмеливается называть себя Галактикой, размеры кварца оказались разочаровывающе малы.

— Не карлик, — спокойно возразил кристалл. — Наша Галактика занимает четвертое место по величине в системе Метагалактики.

— Что-то тут не укладывается! — Алексей Иванович неопределенно покрутил в воздухе рукой. Потом достал из свободных ячеек ваты, подстелил под кристалл, отки-

нулся в кресле. — Целая Галактика — в этом крошечном кабинете! Или в вашем мире часть может быть больше целого?

— Не удивляйтесь. Пространство — это не совсем то, что вы себе представляете. Между конечным и бесконечным нет принципиальной разницы, и конечное — это тоже бесконечность!

— И вы будете уверять, что вы все, сколько вас там есть у Сплоченных Солнц, вместились в этот кристалл?

— Грани кристалла — та скользящая грань между вашим и нашим миром, которая может и разделять, и соединять. Не отворачивайтесь от нас, мы долго выбирали собеседника среди земного человечества.

Алексею Ивановичу стало жарко. Он хотел расстегнуть ворот, но постеснялся, понимая, что представляет сейчас все человечество, даже если оно пока об этом и не догадывается. Стыдно признаться, но это ему безусловно льстило.

— Да, а почему именно меня? Это ваш первый контакт?

— Когда-то мы открылись Лукрецию Кару, и он написал величайшую поэму „О природе вещей”. Но древний философ не поверил нам. Он привел более сотни доказательств невозможности существования разума на иных мирах, невозможности нашего существования. А ведь он...

Женский голос в кристалле примолк, и после короткой паузы, казалось, наполненной дыханием слушателей, как в каком-нибудь ленинградском концертном зале, сочный мужской баритон, чем-то неуловимо схожий с начальственным баритоном и.о. директора института Колпакчи, продекламировал:

Хвала Эпикуру.

*Силою духа живой одержал он победу и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом про-
странствам,
Как победитель он нам сообщает оттуда, что может*

Происходить.

Что не может, какая конечная сила

Каждой вещи дана, и какой ей предел установлен.

Он писал это про Эпикура, но эти слова целиком относятся и к нему самому...

— Вы открыли Лукрецию Кару законы мироздания? — спросил Капустин, когда кристалл закончил читать отрывок из поэмы „О природе вещей”.

— Не только ему. Подумайте, откуда немецкий философ-идеалист Эммануил Кант узнал о Большой системе Галактик вне вашей Галактики? К сожалению, он очень редко бывал дома...

Капустин взял кристалл в руки. Кристалл не был ни тяжелым, ни холодным, ни горячим. Он ничем существенным не отличался от сотен камней, которые прошли через руки ученого. Он не был ни загадочным, ни сверхкрасивым — кристалл как кристалл, какие найдутся в любой коллекции минералов. А вот, поди ж ты, разговаривает, причем — о весьма нетривиальных вещах! Создавалось ощущение, что в комнате находится кто-то невидимый, спрятавший себя за изящные природные грани минерала, сливший себя с одушевленной точностью и вопросительно-вопрошающим блеском оптического кварца. Невидимка был тут, рядом с Капустиным, и в то же время бесконечно далеко, по ту сторону немыслимого масштаба, спрессовавшего чудовищную бездну материи и духа Мира Сплоченных Солнц в пятисантиметровой кристаллической решетке куска горной породы!

Пауза затянулась. И вновь кристалл прервал ее тем же голосом артистки Касаткиной:

— Не удивляйтесь, что Галактика говорит с вами. Мы искали вас несколько тысяч лет...

— Меня? А может, вы хотели найти другого Лукреция Кара?

— И Лукреция Кара, и Канта, и Алексея Капустина. Мы искали человека человечества!

— Спасибо! — сказал Капустин, язвительно кланяясь. Затем выпрямился в кресле и втянул небольшое брюшко — единственная его уступка времени за последний десяток лет. Но и за этот дефект фигуры ему было стыдно сейчас, лицом к лицу с иной Галактикой.

— Товарищ Галактика... Это... Граждане дружественной Галактики! — торжественно обратился Капустин, пристально глядя в центр кристалла. — Человечество Земли готово вступить в контакт...

— Это вы напрасно, товарищ профессор! — неожиданно раздалось от двери. — Фантасты пишут, что мы еще для контакта не созрели.

Капустин обернулся. У порога кабинета переминался с ноги на ногу плотный коренастый человек средних лет в рабочем комбинезоне, в примятом, выдавшем виды картузе, через плечо у него был перекинут на ремне ящик, с которым ходят на вызовы плотники и стекольщики. Да он и на самом деле был стекольщиком — Капустин несколько раз встречал его в жилконторе в те редкие свои визиты, когда он вдруг брался за хозяйство и заменял собой Надежду Кузьминичну. Фамилия еще у него такая простая. Варфоломеев. Нет, Вахрамеев. Да, точно, Вахрамеев. Лицо стекольщика выглядело молодцеватым из-за острых усов, а в настоящий момент еще смущенным от того, что он вмешался в разговор профессора.

Вахрамеев, осторожно ставя ноги на паркет и оставляя пыльные следы, приблизился к столу, шумно скинул с плеча ящик.

— Извиняюсь, это вы репетируете? Ваш голос потом запишут на радиолокатор и пошлют в Космос, к братьям по разуму, правда?

— Почему вы так решили? — Капустин растерялся.

— Ну, как же... — Вахрамеев снисходительно пожал плечами.

— Вы обращаетесь к жителям Галактики. Значит, на все космическое пространство... Я читал, я знаю.

Стекольщик Вахрамеев любил читать фантастику и еще больше любил о фантастике поговорить. Он был в курсе всех научных дел двадцатого века.

Но Алексей Иванович фантастики не любил. И хотел оборвать этот беспочвенный разговор, предложив Вахрамееву заняться делом, а именно — стеклить попрочнее эту раму, которая так и норовит распахнуться, когда ей вздумается, и в осколки разносит то, для удержания чего она и предназначена. Но вдруг одно сомнение, желание еще раз проверить себя, повернули его мысли в другом направлении:

— Скажите, Вахрамеев, что я, по-вашему, держу сейчас в руке?

— Ну, как же! — Вахрамеев тонко улыбнулся, отчего задранные вверх усики его устремились еще выше, к самому потолку. — Это у вас горное стекло, кристалл, родственник алмаза. Нам, стекольщикам, грешно такого не знать.

— А вот потрогайте его. Вы ничего не слышите?

Вахрамеев обтер руки о куртку, отвернулся, деликатно откашлялся в кулак и двумя пальцами бережно взял кристалл с ладони Капустина. Потом поглядел его на свет, подышал на него, обтер рукавом и снова поглядел, дальнозорко отодвинув камень на длину вытянутой руки.

— Красивая штука! — Вахрамеев вздохнул. — Вот бы мне для дочки Машутки такую!

— А вы ничего не слышите? Как, по-вашему, он не звучит?

— С чего ему звучать, ежели по нему не бьют? — солидно возразил Вахрамеев. И вдруг оживился: — Ой, и правда. Какая-то музыка внутри. И голоса. Как вы это устроили?

Капустин решился:

— Это не я. Это — Галактика.

— Ну да! Станет Галактика дрыгаться из-за какого ни на есть кристалла!

— Да нет, сам кристалл — это Галактика!

— Шутите! — Вахрамеев нахмурился и положил кристалл на стол, подальше от края. — Галактика, знаете, какой

величины? Вся наша Солнечная система даже не песчинка в ней, а так, тьфу, какой-нибудь атом-замухрышка, поняли?

— Нет, вы слушайте, слушайте! — Капустин стал настойчиво совать кристалл Вахрамееву. — Он сам это говорит, я ничего не придумываю, я тут вовсе не причем!

Вахрамеев, хмыкнув, недоверчиво взял кристалл, поднес к уху и долго тряс, стараясь расслышать что-либо, кроме музыки. Вдруг он насторожился и закричал:

— Маша! Машутка! А ты как туда в камушек попала? Ты же в школу ушла утром?

— Что случилось? — Капустин схватил Вахрамеева за локоть, но стекольщик вырвался и забежал по кабинету, топоча своими широкими подкованными башмаками и бормоча на бегу:

— Ничего не понимаю! Кто туда запер ее голос?

Набегавшись, он резко затормозил у окна и вновь затряс кристалл, выпытывая у него новую тайну:

— Дочка! Машенька! Почему ты отсюда разговариваешь? Как ты тут очутилась?

В ответ кристалл полыхнул холодным голубоватым блеском и откликнулся быстрым детским голоском:

— Техническая неполадка! Техническая неполадка!

Александр ШАЛИМОВ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

События, напоминающие кадры детективного фильма, разыгрались на глазах полутора сотен человек: пассажиров реактивного лайнера Лиссабон-Касабланка-Кейптаун, толпы встречающих, журналистов, таможенников, полицейских международного аэропорта Касабланка...

Когда белый самолет подрулил к ярко освещенному зданию аэровокзала и трапу начали спускаться пассажиры, к одному из прибывших — высокому мужчине в белом костюме и тропическом шлеме подошла изящная молодая женщина в темных очках с гладко зачесанными назад вер-

ными волосами. В разноязычном гуле голосов два выстрела прозвучали совсем негромко. Пассажир остановился, словно в недоумении, пошатнулся и без стопа рухнул ничком на бетонные плиты. Испуганно закричали женщины, толпа шарахнулась в стороны.

К упавшему подбежали полицейские, но стрелявшая уже исчезла, словно провалилась сквозь землю.

Завыли сирены полицейских машин, слышались свистки, возгласы: „Расступиться! Расступиться!“ ... Ослепительно светя фарами, подлетела белая санитарная машина. Распахнулись дверцы. Мгновение спустя носилки с лежащим на них неподвижным телом скользнули внутрь машины.

Врач — узколицый, смуглый, с тонкими, точно нарисованными усиками, в ответ на вопрос полицейского чуть заметно покачал головой. Полицейский торопливо вскочил в машину, сел рядом с шофером. Пронзительно заверещала сирена, и машина умчалась.

— Вот и все, — философски резюмировал кто-то из журналистов, ставя точку в блокноте.

— Расходитесь, расходитесь! — требовательно кричали полицейские.

— Боже мой, кого убили? — истерически всхлипывая, спрашивала у всех пожилая дама. — Кто он такой?

— Неизвестно...

— А за что?

— Месть из ревности.

— Чепуха! Это гангстер. Контрабандист.

— Женщина стреляла. Молодая и красивая. Сам видел.

— Задержали ее?

— Сразу. Наручники надели и увели.

— Чушь, не успели задержать... Удрала.

— Полицейский подбежал. Она в него — бах, бах! — и скрылась.

— Неправда. Стреляли только дважды. И оба раза в этого... В белом костюме...

— Нет, задержали!

— Не задержали, говорю я вам!

— Расходитесь, расходитесь!

Толпа редела. Черный бой в белом кителе уже посыпал песком темное пятно на бетоне.

Репродукторы на мгновение смолкли, и тотчас в ярко освещенных залах аэропорта, над летными дорожками и над площадью, запруженной машинами, послышался резкий властный голос:

„Внимание, внимание. Разыскивается женщина лет двадцати пяти, брюнетка, в сером платье, белых туфлях и черных очках. Лицо смуглое, овальное. На шее жемчужное ожерелье. Внимание, внимание, всем, кто знает эту женщину или встретит ее, немедленно сообщить полиции или задержать. Внимание, внимание, всем полицейским агентам международного аэропорта Касабланка, задержать женщину...”

Полицейский инспектор Гаспар Молуано торопливо провел в свой кабинет. Ожидавшие его агенты вытянулись, приложили пальцы к лакированным козырькам.

— Ну? — сказал Молуано, садясь за стол.

— Вот документы пострадавшего.

— Так... Бруно Дитрих, немец, коммерсант из Сингапура, филиппинский подданный, пятьдесят шесть лет. Летел один из Мексико-сити в Кейптаун через Лиссабон. Будет жить?

— Врач сомневается, сэр.

— Кто видел стрелявшую?

— Агент Мохаммед Бен-Буска.

— Вы?

— Я, сэр.

— Вы болван!

— Так точно, сэр. Меня оттеснили. Стрелять было нельзя...

— Вдвойне болван. Будете присутствовать при допросе задержанных.

— Так точно, сэр.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите! — крикнул Молуано.

— Разрешите доложить, сэр. Вот пуля, только что извлеченная при операции. Вторая прошла навывлет.

— Так... Калибр 5,35... Бельгийский браунинг-автомат. Но почему расплющена? И что это за стекла?

— Извлечены из раны, сэр. В боковом кармане пострадавшего находился бархатный футляр с каким-то прозрачным кристаллом. Одна из пуль, вероятно эта, задела кристалл. Осколки попали в рану. Это они...

— Где футляр и остатки кристалла?

Агенты переглянулись.

— Вероятно, в кармане куртки, — неуверенно протянул кто-то. — Мы взяли только документы и бумажник.

— Все, что было при пострадавшем, немедленно сюда. Его чемодан тоже.

— Но мы полагали, сэр...

— Вы — болваны! Исполняйте! — Молуано поднялся, отодвинул ногой стул. Осколки кристалла притягивали его взгляд.

— Гм... Похоже на алмаз... Неужели он вез с собой бриллиант таких размеров? Хороши же мои олухи!

Полицейские возвратились через несколько минут.

— Футляра нигде нет, — доложил Мохаммед Бен-Буска. — Доктор и сестра говорят, что вообще его не видели. Может быть, футляр выпал и остался в санитарной машине?

— Идиоты! Немедленно обыскать машину! Доктора сюда, как только закончит операцию. Сестру — под наблюдение!

Агенты дружно стукнули каблуками.

— Доктор уже здесь, — доложил Бен-Буска. Он сам хотел с вами поговорить.

— Пусть войдет. И оставьте нас вдвоем.

— Так точно, сэр!

Врач в операционном халате и белой шапочке стремительно вошел в кабинет.

— Добрый вечер, инспектор.

— Добрый вечер, а вернее — утро! Уже три часа... Как ваш пациент?

— Увы, раны оказались смертельными, и клиническая смерть наступила еще на месте ранения. Я раскрыл грудную клетку, но сделать ничего не смог. Обе пули пробили сердце, но...

— Но? — Молуано наклонился над столом и пристально посмотрел на доктора.

— Очень странное явление, сэр. — Доктор опустил голову. — В моей практике не было раньше ничего подобного. И вообще, насколько мне известно, медицина с таким случаем не сталкивалась. Будучи мертвым, он разговаривал, сэр.

— Как разговаривал?

— Вполне явственно. Когда я извлекал из сердца пулю, этот человек был мертв. Тем не менее, я совершенно отчетливо услышал его последние слова. Сестра, ассистировавшая при операции, тоже слышала.

— Очень интересно... Что же сказал покойник?

— Сначала он сказал по-английски „техническая неполадка!“, потом еще что-то, чего я не понял. Не скрою, я очень испугался. И сестра тоже. — Врач вытер выступивший на лбу пот. — Ведь мы уже знали, что человек абсолютно мертв. Однако я сделал над собой усилие, заставил себя продолжать... А вот тогда произошло самое странное. Он вздохнул и тихо сказал: „Вы идиотка, Лиз, этого не следовало делать“ ... Он сказал это по-французски, но не губами... Слова словно исходили из его раскрытого сердца...

— Ну-ну, — сказал инспектор. — Это действительно крайне странно. А может быть, это чудо? Вы верите в чудеса, доктор?

— Н-не знаю.

— Но все рассказанное вами могли бы подтвердить под присягой?

— Разумеется... И операционная сестра тоже.

— Значит, мы столкнулись со случаем чуда, — решительно сказал инспектор Молуано. — А чудо столь же редко

в полицейской практике, сколь оно, по-видимому, редко в медицине. Для успеха следствия я прошу вас, доктор, и сестру также пока молчать о том, что вы рассказали. Никому ни полслова! Полагаю, что Лиз — имя убийцы. Он назвал ее, взывая о мщении. Жаль только, он не догадался назвать заодно ее фамилию и адрес...

Гаспар Молуано раскатисто рассмеялся, но взгляд его оставался тяжелым и колючим, мысли витали где-то далеко.

— Но... Как же тогда? — осторожно спросил врач, с сомнением покачивая головой.

Молуано насторожился:

— Вы сомневаетесь?

— Не знаю, что и сказать. Возможно, вы и правы, но... что тогда означают слова „техническая неполадка”? К кому они могут относиться?

— Гм... Скорее всего, к вам... Хо-хо, ведь вы не сумели его... починить. Ха-ха... Но ничего, Лиз мы разыщем. Не будь я Гаспар Молуано, далеко не уйдет. Эй, там, Мак-Гиббс, — крикнул инспектор, включая настольный динамик, — доложите обстановку.

Из переговорного динамика, стоявшего на столе инспектора, донеслись раскаты далекого грома.

Невидимый Мак-Гиббс откашливался. Потом послышался его густой бас:

— На территории аэропорта задержано шестьдесят шесть brunetok в возрасте от шестнадцати до тридцати шести лет. При задержании одна оказала сопротивление: прокусила ухо агенту ноль-семнадцать и вырвала ему левый ус.

— Очень хорошо, пусть продолжают, — скомандовал в микрофон Молуано. — Начинайте допрос задержанных. Я сейчас приду. Что дал осмотр личных вещей убитого?

— Ничего важного, сэр, — пробасил динамик. — В его вещах не обнаружено ни записной книжки, ни дневника. Единственная рукописная пометка сделала на полях первой страницы, номер которой мы нашли в его чемодане: „Конакри”, несколько цифр — вероятно, номер телефона и фамилия...

— Что за фамилия? — заинтересовался Могуано.

— Юргин, Серж Юргин, — откликнулся динамик. — А может, Ургин. Запись не очень четкая, но фамилия жирно подчеркнута дважды.

— А бархатный футляр с камнем?

— Его пока не нашли, сэр.

— Проклятье! Футляр должен быть найден, я ведь дважды не повторяю, все! — Могуано отключил динамик и повернулся к доктору: — Ну-с, доктор, а вы, вы извлекли из груди убитого все осколки этого загадочного стекла?

Могуано внушительно помолчал. Доктор растерянно развел руками:

— Не уверен, сэр. После того, как я убедился, что он мертв, я... прекратил операцию.

— Жаль! — со вздохом сказал инспектор. — Тогда сделаем так. Тело отправьте в морг. А утром произведете дополнительное вскрытие. Мы должны убедиться, не осталось ли в покойнике еще чего-нибудь... Это совершенно необходимо для успеха следствия... До свиданья, доктор. Оревуар...

В этот же вечер в Ленинграде, в Малом оперном театре давали „Туманность Андромеды” — новый балет по мотивам фантастической повести Ивана Ефремова. После первого акта профессор Филипп Аристархович Колпакчи, исполняющий обязанности директора института, вышел в фойе в крайнем раздражении.

— Нечего сказать, выбрался в театр! Сейчас уехать или остаться на второй акт? — ворчал он себе под нос. — Чего они там еще изобрели? Хотя заранее могу сказать: все это бред, бред и бред!

Вслух Филипп Аристархович ничего не сказал. Зато другие не стеснялись:

— Тема энтропии в увертюре чересчур подчеркнута, не правда ли?

— Но вторая картина — просто прелесть...

— Не балет, а сплошная пантомима.

— Да, но какая музыка, батенька, какой полет фантазии! Дыхание Галактики прямо-таки ощутимо...

— „Дыхание Галактики”! — передразнил Филипп Аристархович, оглянувшись. — Здесь оно так же уместно, как в капустинском кристалле. Поеду-ка, пожалуй, домой...

Вдруг к Филиппу Аристарховичу приблизился невысокий молодой человек в сером, хорошо сшитом костюме.

„Не у нас шили”, — почему-то подумал профессор Колпакчи. У молодого человека были светлые волосы ежиком, темный южный загар, глаза внимательные и чуть насмешливые за толстыми стеклами очков. Его спортивная фигура и широкое лицо с немного приплюснутым носом были профессору незнакомы, хотя и оставляли впечатление, что где-то его Филипп Аристархович видел.

Профессор внимательно оглядел молодого человека и отвел взгляд:

— Нет, решительно не могу припомнить, где и когда я встречал этого юношу.

Молодой человек подошел к Филиппу Аристарховичу и сказал:

— Не узнали, Филипп Аристархович? Юргин. Сергей Юргин — ваш бывший студент и аспирант.

— А-а, как же, как же! — многозначительно протянул профессор, так и не вспомнив. — Очень рад, очень...

— Хорошо, не правда ж? Интересный спектакль. — Юргин развернулся и пошел рядом с профессором Колпакчи вдоль стенки с рядами портретов. Теперь уйти домой было никак нельзя.

— Позволь себе не согласиться с вами, Сергей... Сергей... — Филипп Аристархович с ожиданием посмотрел на Юргина.

— Владимирович, — подсказал бывший аспирант.

— Да-да, конечно, Сергей Владимирович, — шумно обрадовался Филип Аристархович. — Так вот, не могу согласиться, дорогой мой. По-моему, просто дребедень с потуга-

ми ни оригинальность. Я, знаете ли, не терплю ничего подобного. Искусство, особенно музыкальное искусство, должно быть обращено в прошлое. Это ведь не случайно, что не удаются оперы и балеты на современный сюжет. Это — закономерность. А уж поднимать руку на будущее... Потомки о нас, может быть, и напишут стоящие оперы и балеты. А мы о них — никогда.

— Вы все так же строги, Филипп Аристархович. И все так же не одобряете фантастику. А ведь человек не может не мечтать.

— Почему же, мечту я готов признать, в разумных пределах, конечно. — Профессор насмешливо сверкнул на Юргина стеклами очков. — Например — как элемент творческого домысла, рабочей гипотезы. Но когда она становится самоцелью, это, простите меня... Мне приходит в голову одно слово, которое может показаться вам вульгарным... Однако, где вы теперь трудитесь? Ваших печатных работ я не припоминаю. Очевидно, как-то прошли мимо меня...

— А я и не писал ничего после защиты диссертации. Три года пробыл в Африке. Вернулся на днях. Даже еще в институте не был, у Алексея Ивановича. Кстати, как он там?

— Алексей Иванович? Капустин? Присядем, Сергей Владимирович. — Филипп Аристархович кинул на Юргина беглый взгляд. — Только теперь он, наконец, вспомнил этого молодого человека. Действительно, был такой аспирант у Капустина. Защищал три года назад. Командирован в Африку. Для теоретических наук, видимо, это был потерянный кадр. Профессор аккуратно расправил складки на брюках и лишь после этого продолжал: — К сожалению, не обрадую вас. С Алексеем Ивановичем большое несчастье...

— Что вы говорите?

— Да, заболел наш Алексей Иванович. Прямо на Ученом Совете. Хотел выступать с... сообщением. Мы уже по теме почувствовали неладное. Отговаривали. Но он настоял. Начал рассказывать какие-то странные вещи. Хотел заставить заговорить обыкновенный кристалл.

— Кристалл? — Юргин против воли повысил голос.

— Да, представьте себе, кристалл оптического кварца. При всех прикладывал этот кристалл к уху. Ссылался на какого-то стекольщика. Просил его позвать. Потом упал... Думали, удар. Но оказалось тяжелое нервное расстройство. Сейчас он... в клинике нервных болезней.

— А раньше? Раньше этот кристалл говорил? — с волнением спросил Юргин.

— Насколько можно было понять, Алексей Иванович считает, что раньше его кристалл разговаривал. Но вы, конечно, понимаете...

— Поразительно, поразительно! — повторял Сергей, почти не слушая профессора Колпакчи.

— Да, мы все тоже были неприятно поражены. И кафедра осталась без руководителя... Очень, очень неприятно.

— Когда это случилось?

— Началось, видимо, давно. Но... Не замечали. Мне, впрочем, кое-какие его странности бросались в глаза. Но я не думал, что все так серьезно. Болезнь прогрессировала постепенно. А Совет был четыре дня тому назад.

— Четыре дня? Подумать только, все совпадает... — Юргин наморщил лоб, пошевелил губами, потом резко обернулся к Колпакчи: — Вы что, считаете Капустина сумасшедшим?

— Не я, медики, так сказать, специалисты... И потом ведь не каждое нервное расстройство — сумасшествие... Это дело врачей. В клинике, куда его положили, превосходные врачи.

— А куда девался кристалл оптического кварца?

— Кристалл? — Филипп Аристархович снял очки и посмотрел на Юргина невооруженным глазом, потом надел очки и посмотрел еще раз: — Ах, вот что... Вас, я вижу, тоже заинтриговал этот кристалл. К сожалению, ничего не могу сказать по этому поводу. Должен признаться, когда Алексею Ивановичу стало плохо, мы все как-то забыли о кристалле. Возможно — это была оплошность. Но, молодой человек... — Колпакчи поднял указательный палец вверх, — когда речь идет о здоровье, а может быть даже и о жизни

человека, такие оплошности извинительны. Весьма вероятно, что злополучный кристалл остался в зале Совета, и его подобрал кто-нибудь из студентов или вымела уборщица.

— Что вы, Филипп Аристархович! — Юргин вскочил. — Этот кристалл надо, во что бы то ни стало, разыскать. И как можно скорее. Это очень важно. Очень!

— А позвольте узнать, почему? — Колпакчи неторопливо поднялся, выпрямился во весь свой директорский рост.

— Потому что... Ах, я потом все объясню... В какой клинике находится Алексей Иванович?

— Я же вам сказал: в клинике нервных болезней.

— Адрес?

— Позвольте, по какому праву вы меня допрашиваете? Я не знаю. Я с ним разговаривал по телефону.

— Тогда телефон, быстрее!

— Сергей Владимирович, вы начинаете меня пугать...

— Оставьте, Аристарх Филиппович, мне необходимо срочно увидеться с Капустиным.

— С вашего разрешения — Филипп Аристархович! — Колпакчи выпятил грудь.

— Извините, Филипп Аристархович. До скорой встречи! Юргин помахал рукой и, ловко виляя телом среди прогуливающих зрителей, скрылся в сторону лестницы.

Как раз в этот момент раздался звонок, приглашающий на второй акт. Филипп Аристархович осторожно прошагал по быстро пустеющему фойе на лестничную площадку, заглянул через перила вниз:

— Очень неприятно... Очень... Не заразно ли это?

По лестнице торопливо поднимались опоздавшие.

Приехав на следующий день в институт, Филипп Аристархович погрузился в поток обыденных дел и вскоре позабыл о встрече в театре. Однако телефонный звонок оторвал его от отчета. Профессор поморщился и не сразу поднял трубку. Но телефон звонил и звонил, и секретарь института, Анна Семеновна, должна была дважды заглянуть в дверь кабинета прежде, чем профессор ответил:

— Да. — Профессор Колпакчи.

— Здравствуйте, Филипп Аристархович. С вами говорит заведующая клиникой нервных болезней Бабаева, — загрузка мембрана телефонного аппарата.

— Слушаю вас.

— У нас во втором отделении лежит ваш сотрудник Капустин.

— Да-да, знаю. Как его самочувствие?

— Состояние самого Капустина удовлетворительное. Но вчера вечером у нас в клинике случилось небольшое происшествие, к которому Капустин имеет косвенное отношение.

— В чем же дело?

— Вам знакома фамилия Юргин?

Филипп Аристархович отодвинул трубку от уха и так посмотрел на нее, точно это был сам Юргин, и окажись сейчас Юргин здесь — он бы сгорел от стыда. Из-за него отрываю от дела такого занятого человека! Но Юргина не было. И Колпакчи, покачив головой, сказал:

— А-а, понимаю. Знакома, конечно. Это бывший аспирант Капустина.

— Очень хорошо, Капустин тоже это подтверждает. Однако, учитывая, гм... его... состояние... Мы хотели удостовериться.

— Да, но что случилось?

— Ничего особенного. Этот Юргин сейчас у нас. Если вы подтверждаете; что он работал вместе с Капустиным, мы можем оставить его здесь... для наблюдения...

Филипп Аристархович поперхнулся;

— А что... Он тоже?..

— Точно пока сказать ничего нельзя, но он ведет себя крайне странно. Вчера вечером хотел, во что бы то ни стало, повидаться с Капустиным. Твердил о каком-то кристалле. В конце концов, дежурный врач вынужден был вызвать дружинников, и вашего Юргина увели в милицию. По дороге он вырвался и убежал. А ночью проник в сад клиники и через запасной выход вошел в здание. Правда, увидеться с

Капустиным ему не удалось: вашего аспиранта заметили санитары... Он кричал, угрожал... Дежурный врач сделал ему укол. Сейчас он спит. Разумеется, я могла бы просто передать его в милицию. Однако в поведении этого молодого человека кое-что настораживает...

— Вы знаете, товарищ Бабаева, я вчера разговаривал с этим молодым человеком — в начале все было хорошо, но под конец мне тоже показалось...

— Да-да, идея-фикс та же самая, что и у Капустина. Говорящий кристалл. Думаю, мы не ошибемся...

Филипп Аристархович громко вздохнул:

— Печально, ведь он такой молодой...

— Ну, что вы: от этого никто не застрахован, — ответила телефонная трубка. — Достаточно нервного переутомления — и у вас заговорят не только кристаллы. Будете здоровы!

Профессор долго не отрывал трубки от уха. Но кроме коротких гудков там больше ничего не было слышно.

— Гм... Никто не застрахован... Легко сказать! — проворчал Филипп Аристархович. И осторожно положил трубку на рычаг.

Дверь снова бесшумно отворилась и в кабинет заглянула Анна Семеновна:

— Филипп Аристархович, к вам стекольщик Вахрамеев.

— В чем дело? — Колпакчи нахмурился. — Пусть идет к заместителю по административно-хозяйственной части.

— Но он твердит, что ему надо говорить с вами. По очень важному делу.

— Ну и денек! Ладно, пусть войдет. Но предупредите: через десять минут я должен уехать.

— Хорошо, Филипп Аристархович.

Профессор взял в руки толстый красный карандаш и устался на дверь. Через несколько минут она распахнулась и пропустила в кабинет человека средних лет, с нелепыми усами, которые шли ему так же, как если бы их прицепила Анна Семеновна. Человек сделал несколько шагов от порога, кивнул головой:

— Здрасьте, я Вахрамеев. Стекольщик.

— Садитесь, товарищ Вахрамеев. Чем обязан? — Филипп Аристархович нетерпеливо постучал карандашом о массивную подставку чернильного прибора.

— Я насчет Алексея Ивановича, профессора Капустина, — сказал Вахрамеев.

— Тогда вам лучше обратиться на кафедру к его заместителю, — перебил Колпакчи.

— Нет, я насчет его самого.

— А что такое?

— Да слышал я, что он вроде как заболел? Расстроился, значит, что не поверили, и заболел. Так вот послушайте меня. Я лично могу подтвердить, что все то — правда.

— Что — то? Что — правда? — Филипп Аристархович с шумом отбросил карандаш, и он покатился по гладкому стеклу, положенному на стол.

Вахрамеев заторопился:

— Да насчет того камня. Разговаривал, это точно. Я сам слышал. Этими вот ушами.

Колпакчи поежился:

„Еще один... Эпидемия какая-то” ... А вслух мягко сказал:

— О чем вы слышали, друг мой? Не вставайте, не вставайте, сидя, пожалуйста...

— Благодарствую. Я слышал я музыку и голоса всякие разные. Интересно рассказывали. Даже представить очень трудно. Я вот стекольщиком тружусь, а раньше такого слышать не доводилось. А еще, знаете, голос моей Машутки озвучили...

— Чей голос?

— Машутки, дочки моей. Я даже испугался. Ну, потом домой пришел, а она уже дома и ни о чем таком не знает. А так, как будто, все в порядке. Вы этот камень возьмите, сами послушайте. Он заговорит, обязательно заговорит... Не сомневайтесь. Штука удивительная. Прямо как в научно-фантастическом романе.

— Хорошо, хорошо, — замахал руками Филипп Ари-

стархович. — Я непременно, обязательно прослушаю. А сейчас, понимаете, я очень занят...

— Это мы понимаем. — Вахрамеев встал. — Извините, пожалуйста. Но только вы непременно послушайте. И Алексею Ивановичу позвоните, ему приятно будет. Глядишь — и поправится скорее.

— Да-да. Обязательно послушаю. И обязательно позво-
ню.

— До свиданья.

— Будьте здоровы!

Филипп Аристархович облегченно перевел дух. Вытерев платком вспотевшие лоб и шею, он надавил кнопку звонка. В дверь быстро вошла Анна Семеновна.

— Анна Семеновна, милая, оградите меня от таких визитеров. Этак же работать будет некогда!

— Будет исполнено, Филипп Аристархович. Вам телеграмма-молния. Из министерства.

— Господи, еще того не легче! Что там стряслось? Давайте.

Анна Семеновна молча протянула профессору бланк. Филипп Аристархович поспешно придвинул телеграмму поближе; протер очки. Отдельные буквы не сразу сложились у него в связный текст:

„И.О. ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ПРОФЕССОРУ
КОЛПАКЧИ ТЧК. ПРЕДЛАГАЮ СРОЧНО ОТОБРАТЬ ИЗ
КОЛЛЕКЦИИ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ВСЕ
МОНОКРИСТАЛЛЫ ОПТИЧЕСКОГО КВАРЦА ТОПАЗА
АКВАМАРИНА ЗПТ РАЗМЕРОМ БОЛЕЕ ПЯТИ САНТИ-
МЕТРОВ ПО ДЛИННОЙ ОСИ И ОРГАНИЗОВАТЬ НЕ-
ПРЕРЫВНОЕ ПРОСЛУШИВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНО ВЫ-
ДЕЛЕННЫМ СОТРУДНИКОМ ЗПТ ЛИБО ПРИ ПОМОЩИ
МАГНИТОФОНА ТЧК.

ЗАММИНИСТРА ИВАНОВ ТЧК”.

Филипп Аристархович рванул ворот рубахи и прикрыл отяжелевшими веками глаза.

— Вам нехорошо? — участливо наклонилась над ним Анна Семеновна. — Может быть, накапать валокордина?

— Да-да, — ответил Филипп Аристархович, не открывая глаз. — Накапайте... Валокордину... Или чего-нибудь покрепче.

Он поднялся, обвел мутным взглядом кабинет:

— Вызовите лучше машину... Поеду домой. Кажется, я заболел.

Александр МЕЕРОВ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Полицейский инспектор Гаспар Моуано с нетерпением ждал результатов дополнительного вскрытия. Что оно покажет? Разрешится ли как-нибудь вся эта чертовщина с загробными голосами? Полицейский врач был трезв, в этом Моуано мог поручиться. Да и сестра. Ведь медсестра тоже что-то там слышала... И потом этот кристалл... Неужели Дитрих вез на себе такой камень? Моуано попытался прикинуть стоимость бриллианта подобных размеров, но не смог. Ведь такой камень... Куда да него всяким „Куллинанам” и „Графам Орловым”!..

Войдя в кабинет, Моуано прежде всего скинул пиджак и сел за стол, с удовольствием подставившись под струю отбрасываемого вентилятором воздуха. Посидев так с минуту, он вызвал Мак-Гиббса.

— К вашим услугам, шеф, — приветствовал его Мак-Гиббс, вырастая на пороге кабинета, как будто он давным-давно уже ждал этого вызова.

— Что обнаружилось при повторном вскрытии?

— Из грудной клетки врач извлек крупный осколок какого-то кристалла. Вот он. — С этими словами Мак-Гиббс положил на стол перед Молуано вспыхнувший в солнечном луче камень. Молуано взял его в руки повертел. Ему вдруг стало скучно...

— Кварц, — разочарованно протянул он. — Уж настолько-то и моих познаний в минералогии хватит... Оптический кварц... И на кой черт Дитрих таскал его с собой?.. Но убить из-за этого не могли. Нет, не могли. Вот если бы он вез бриллиант таких размеров... А кварц — ну кому нужен кварц? Согласны, Мак-Гиббс?

— Разрешите заметить, сэр, это не просто кварц. Он... Он говорил ...

Молуано не удержался от улыбки:

— Это вы сами слышали, Мак-Гиббс, или опять наш ученый эскулап?

— Мы оба, сэр. Кристалл благодарил за умело проведенное вскрытие.

— Чепуха, — отмахнулся Молуано. — Это вам померещилось от усталости. Всю ночь ведь на ногах, не так ли, капитан?

— Да, сэр.

— Ну вот и померещилось. Бывает. Говорящий кристалл!.. Ну и чушь! Терпеть же могу всяких гипнотизеров да чревоушителей. Когда я был инспектором Восточного района, я приказывал вылавливать всяческих факиров и предсказателей, бродивших по базарам Касабланки, и при малейшей возможности... — Молуано сделал выразительный жест, — при любом подходящем случае старался упрятать их за решетку. Так оно спокойнее, капитан.

— Согласен с вами, сэр, — кивнул Мак-Гиббс. — Вот только кого упрятать за решетку теперь?

Молуано пристально посмотрел на помощника, но не прочел в его лице даже намек на иронию и успокоился.

— Найдем, — уверенно сказал он. — Убийцу надо найти непременно. Бросьте всех ваших людей на это дело,

капитан. Всех. В этом, кстати, заинтересовано Управление. Прежде всего, розыск преступника. А всякие там фокусы — потом. Если время будет.

— Слушаю, сэр. Разрешите идти?

— Да... Да. И действуйте!

Когда Мак-Гиббс вышел, Молуано откинулся на спинку кресла и отдался прохладе вентиляторной струи. Он впитывал ее с наслаждением, чувствуя, как постепенно высыхает пот, и кожа становится сухой и прохладной. Проклятая жара! И в этот момент на столе зазвонил телефон.

— Слушаю. Да, инспектор Молуано. Нет, нет, дорогой Каплоф, в помощи частных детективов мы отнюдь не нуждаемся. Именно так. Что? Вы отдаете себе отчет?.. Это отразится на моей карьере? Посмотрим, дорогой Каплоф, на чьей карьере это отразится раньше. Я, между прочим, легко могу лишить вас лицензии, вы не думаете? Вот так-то.

Он резко бросил трубку на рычаг. Проклятый проныра Каплоф! В чем-то он, пожалуй, прав... И явно располагает данными по делу Дитриха, если навязывается так нагло. К тому же, его в самом деле стоит опасаться: он знает многое. В том числе и о самом Молуано.

А насчет лишения лицензии... Это все не так просто, такого проныру, как Каплоф, прижать непросто. Черт побери! Черт побери все это — дурацкое дело Дитриха, этого шантажиста Каплофа, жару, музыку...

Стоп, подумал Молуано. Откуда вдруг взялась эта музыка? Ведь приемник выключен. Он взглянул на приемник: действительно выключен. Но тогда откуда же эта мелодия? Тонкая, какая-то воздушная, плавно вливавшаяся в сознание музыка была явственно слышна. Может быть, это... Впрочем, Молуано не знал, что это может быть. Он встал, прошелся по кабинету. Звук менялся, при удалении от стола он становился заметно тише. Значит, источник его надо искать в столе. Или на столе. Но на столе ничего не было. Молуано выдвинул ящики, посмотрел. Тоже ничего. Что за чертовщина? В раздражении он ударил кулаком по столу. Нет, у него такие штучки не пройдут!

И в этот момент музыка оборвалась. Вместо нее возник голос. Удивительно противный, какой-то скользкий и нахальный:

— Ну, что ты на меня уставился, инспектор? Не ожидал, что кристаллы могут говорить? Чепуха мол, от переутомления, да? привыкай, инспектор. Раньше ты разговаривал только с женой, со своими коллегами, с начальством, со знакомыми и с незнакомыми, а теперь ты будешь разговаривать со мной.

ВЕДУЩИЙ: Полицейский инспектор Гаспар Молуано с нетерпением ждал результатов дополнительного вскрытия убитого в аэропорту Бруно Дитриха.

Утро он начал с того, что вызвал к себе капитана Мак-Гиббса.

ГИББС: К вашим услугам, шеф.

МОЛУАНО: Что обнаружил наш врач при повторном вскрытии?

ГИББС: Большой осколок кристалла. Вот он.

МОЛУАНО: Давайте посмотрим...да ведь это просто-напросто кварц. Чистейшей воды кварц, капитан. Нет, не из-за него убили Дитриха! Вот если бы он вез изумруд таких размеров... ГИББС: Разрешите заметить, сэр, кристалл необыкновенный. Он...он говорил...

МОЛУАНО: Говорил кристалл? Что же услышал врач на этот раз?

ГИББС: Кристалл благодарил нашего дока за умело проведенное вскрытие.

МОЛУАНО: Чепуха. Знаете, капитан, меня начинает раздражать таинственность этого убийства. Говорящий кристалл! Ерунда. Терпеть не могу чревоушителей и гипнотизеров...Когда я был инспектором Восточного района, я приказывал вылавливать всяческих факиров и предсказателей, бродивших по базарам Касабланки и при малейшей возможности... — Молуано рассмеялся...— при любом подхо-

дящем случае старался упрятать их за решетку. Так спокойней, капитан.

ГИББС: Совершенно верно, сэр. Весь вопрос в том, кого упрятать теперь.

МОЛУАНО: Найдем. Убийцу надо найти непременно. Всех ваших людей, капитан, на это дело! Всех. В этом заинтересовано Управление. Прежде всего, розыски преступника — и никаких фокусов!

ГИББС: Слушаю, сэр. Разрешите идти.

МОЛУАНО: Да...Да. И действуйте! (Напевает задорную песенку)

(Телефонный звонок)

МОЛУАНО: Да, я слушаю. Да, инспектор Молуано. Нет, нет, дорогой Капloff, в помощи частного сыскного бюро мы не нуждаемся. Это может отразиться на моей карьере?.. Плевать я хотел на ваши угрозы!

КАПЛОФ: Инспектор, вы поспешили с отказом. Наше сыскное бюро уже располагает кое-какими интересными материалами по делу Дитриха. Подумайте, если вам не удастся найти убийцу, а я убежден, что вы ничего не сумеете сделать, ваша карьера оборвется. А ведь пост полицейского инспектора международного аэропорта вам обошелся не дешево. Не так ли?

МОЛУАНО: Не суйте нос в чужие дела, Капloff!

КАПЛОФ: И этот пост придется оставить...

МОЛУАНО: Что, что, Капloff?!

КАПЛОФ: О, сэр, вы напрасно кричите.

МОЛУАНО: Вот уже месяц, как ваше бюро входит во Всемирное сыскное объединение? А какое это имеет ко мне отношение?.. Я уже сказал, что не боюсь ваших угроз! (Бросает трубку). Подлец. Шантажист!

ВЕДУЩИЙ: Молуано было жарко, думалось трудно и мешало все: гудение укрепленных под потолком вентиляторов, музыка...

МОЛУАНО: А это еще что? Откуда музыка? Ведь приемник-то выключен!

ВЕДУЩИЙ: Музыка в кабинете слышалась довольно отчетливо.

МОЛУАНО: Что за чертовщина!

ВЕДУЩИЙ: Чем дальше инспектор отходил от стола, тем хуже было слышно. Он вернулся к столу. Звучание стало явственной.

МОЛУАНО: Наваждение какое-то. Что может звучать на моем столе?

Уж не кристалл ли?

(Стукнул кулаком по столу)

У меня эти штучки не пройдут!

(Волишебная музыка кристалла усиливается)

ГОЛОС: Что ты так устался на этот кристалл? Ты не ожидал, что он может заговорить? Привыкай. Раньше ты беседовал только с женой, со своими коллегами, начальством, со знакомыми и незнакомыми, теперь ты будешь беседовать со мной.

МОЛУАНО: Но почему я сначала слышал что-то вроде музыки, а сейчас слышу голос?

ГОЛОС: Это техническая неполадка.

ГОЛОС: Вы, кажется, испытываете сомнения относительно возможностей сыскного бюро Капloffа? Хотите знать, располагают ли они достаточным количеством сведений?

МОЛУАНО: Сначала хотел, а сейчас расхотел. Да с кем я, собственно, разговариваю — с вами или с той барышней, которая передала вам трубку?

ГОЛОС: О вас знают много, инспектор. Очень много. Советуем поиски убийцы поручить Капloffу: это вам обойдется дешевле, чем потеря должности инспектора международного аэропорта. Надеюсь, вы понимаете?

МОЛУАНО: Но откуда вам все известно?

(Стук в дверь)

ГИББС: Простите, шеф, срочный пакет.

МОЛУАНО: Дайте. Капитан, я вызывал к себе нашего врача. Почему его нет до сих пор?

ГИББС: У него пропала дочь, сэр.

МОЛУАНО: Пропала Лиз? Это странно. Серьезная и очень осмотрительная девушка. Что же могло случиться?

ГИББС: Не известно пока. Она вчера выехала к тетке в Марракеш, но, оказывается, туда не прибыла. Док обеспокоен. Он звонил в Рабат родственникам, но и там ничего не знают о ней.

МОЛУАНО: Странно. Займитесь сами поисками Лиз. Подключите к этому делу наших ребят из отдела „К”.

ГИББС: Разрешите идти, сэр?

МОЛУАНО: Минутку, капитан. Послушайте, вам не кажется, что этот кристалл звучит?

ГИББС: Не пойму...Этот вентилятор...

МОЛУАНО: Отключите его.

ГИББС: Вот сейчас... Мне чудится, что он и в самом деле поет... Нет, нет, скорее похоже на музыку. Странную, особенную. Я никогда такой не слышал...

МОЛУАНО: А голос, голоса какие-нибудь слышите, слова разбираете?

ГИББС: Вот только сейчас...Ну да, разумеется. Сейчас я отчетливо слышу слова.

МОЛУАНО: Но теперь я ничего не слышу. Абсолютно ничего.

ГИББС: Но, шеф...

ГОЛОС: Вы правы, Мак-Гиббс, инспектор Молуано старый осел. Груб, чванлив и жаден. Он купил пост своего предшественника, успев порядком награть в Восточном районе, но с обязанностями справляется плохо. Бестолков и суетлив...Убийцу Дитриха ему не найти...Пройдоха он и интриган.

МОЛУАНО: Что же вы молчите, Мак-Гиббс? Разбираете ли вы что-нибудь?

ГИББС: Да, конечно.

МОЛУАНО: Но что?

ГИББС: Сэр, я не могу сказать... Нет, нет, не скажу.

МОЛУАНО: Вы на службе, капитан. Мы ведем расследование этого проклятого дела, а вы...Я вам приказываю, наконец!

ГИББС: Он говорит, сэр... Кристалл говорит, что вы старый осел, сэр.

МОЛУАНО: Мак-Гиббс!

ГИББС: Он еще говорит, что вы тупица и пройдоха, сэр.

МОЛУАНО: Можете идти, капитан. И пусть войдет док.

ВРАЧ: Простите, шеф, я задержался. Вы вызывали меня?

МОЛУАНО: Вызывал.

ВРАЧ: Что-нибудь новое?

МОЛУАНО: Да как вам сказать... словом, все дело в кристалле... Признаться, док, я вам не верил, думал, утомление, все время возня с трупами и все такое... А вот теперь... Ничего не понимаю. С вами он говорил об убитом?

(музыка)

ВРАЧ: Я понял так, сэр.

МОЛУАНО: Со мной об объединении сыщиков, а вот Мак-Гиббс услышал... Впрочем, не важно, что слышалось Гиббсу.

ВРАЧ: одну минуту, шеф, похоже, он опять собирается заговорить.

МОЛУАНО: Вот как? Не слышу, нет. Музыку слышу, а слова... Вы разбираете, о чем он говорит?

ВРАЧ: Да, но пока с трудом... Господи, кто это?

ГОЛОС ЛИЗ: Папа, я и сейчас в Марракеше.

ВРАЧ (изумился): Лиз! Как ты попала в этот кристалл? Почему ты разговариваешь из кристалла? Я искал тебя всюду, я...

ЛИЗ: Папа, слушай меня. Я должна тебе сказать... Ничему не верь. Я не убивала Дитриха. Не верь, что бы тебе ни говорили, какие бы улики не предъявляли. Не я убила, не я!

ВРАЧ: Лиз! Лизала что случилось? Как ты попала в этот кристалл?

В кристалле что-то заверещало.

ЛИЗ: Техническая неполадка...

Секретарь Филиппа Аристарховича Колпакчи, Анна Семеновна, чувствовала себя в центре удивительных событий. Обстановка в институте накалялась. Еще бы. Скандальная история на последнем ученом совете, — и в результате профессор Капустин в клинике для душевно больных; телеграмма из министерства о музейных кристаллах, — и в результате одиннадцать сотрудников стерегут теперь эти кристаллы, вооружившись магнитофонами; и, наконец, приезд самого замминистра!..

О чем шел разговор в кабинете Филиппа Аристарховича узнать не удавалось — дерматиновая обивка двери была сделана добротно. Анна Семеновна отошла от двери в тот момент, когда в приемную вошли профессор Капустин и Юргин.

АННА СЕМЕНОВНА: Как, вы уже?

Алексей Иванович, постаревший, осунувшийся за последние дни, не обратил внимания на не очень деликатней вопрос секретаря, но Юргин, не задумываясь, ответил:

ЮРГИН: Нет, Анна Семеновна, мы не „уже“. Мы и не думали с ума сходить, ни я, ни тем более профессор Капустин. Вот ваш уважаемый профессор Колпакчи...

КАПУСТИН: Не следует, Сергей Владимирович, не следует. Надо быть терпимым к людям. Филипп Аристархович, разумеется, не предполагал, что так все обернется. Ведь и для него это явление показалось несомненно странным, невероятным.

ЮРГИН: Пусть так, но как он мог допустить, чтобы вы, Алексей Иванович, угодили в клинику! Да такого, с позволения сказать, руководителя надо...

АННА СЕМЕНОВНА: Товарищ Юргин, я попрошу... Я попрошу не шуметь здесь. У нас замминистра.

ЮРГИН: Вот он-то нам и нужен! Он у Колпакчи?

АННА СЕМЕНОВНА: Нет-нет, туда сейчас нельзя!

(Телефонный звонок)

АННА СЕМЕНОВНА: Слушаю. Что? Из лаборатории? Кристалл заговорил? Сейчас доложу... Простите, товарищи, одну минуточку...

Когда через четверть часа Капустин и Юргин пришли в оптическую лабораторию, там уже был замминистра и директор института. Внимание всех было сосредоточено на кристалле. Многие годы кристалл кварца хранился в минералогическом музее и молчал, а теперь вдруг стал звучать.

КОЛПАКЧИ: Товарищи, похоже, что исполняется гимн.

КАПУСТИН: Простите, Филипп Аристархович, какой же это гимн? — явственно слышится полонез Огинского.

ЮРГИН: Алексей Иванович...

КАПУСТИН: Тише, тише, Сергей Владимирович.

ЮРГИН (перешел на басовитый шепот): Это же африканская музыка. Танец смерти или что-то в этом роде. Сам слышал в Конакри. Вот, вот, слышите? Барабаны и завывание труб, а теперь гортанный припев пляшущих!

КОЛПАКЧИ: Да, интересно получается. Выходит, каждому из нас чудится свое. Сейчас я мог бы присягнуть, что из кристалла раздается марш, обычно исполняемый во время футбольных состязаний.

КАПУСТИН: Мне кажется, сейчас самая важная задача установить, какова природа этого явления. Займутся, конечно, этой задачей целые институты, заинтересуются сотни ученых, но пока... Сегодня утром, идя сюда, я подумал, что же вызывает звучание этих кристаллов? Зарождается ли оно в самом кристалле, независимо от нас, или образуется в результате нашего невольного воздействия. У меня создается впечатление, что слышим мы в этих кристаллах, как правило, то, что в данный момент больше всего занимает наши мысли. Попробую проиллюстрировать эту догадку. Вспомните: случай с Вахрамеевым и его Машуткой, со мной, когда я размышлял о малом и великом во Вселенной, об относительности размеров галактик, и кристалл заговорил со

мной от имени Галактики. А и вы, помнится, товарищ Юргин, приводили аналогичные примеры.

ЮРГИН: Да. Рассматривая кристалл, я порой отчетливо слышал отрывки из читанных вами лекций. Как-то, еще в Конакри, я рылся в книгах, стараясь отыскать статью академика Летекура, и вдруг сквозь незнакомую музыку явно различил слова его речи, произнесенной на парижском конгрессе геофизиков. Однажды я подумал о своей племяннице, и услышал, как она ведет урок географии в школе.

КАПУСТИН: Вот видите, набирается немало фактов. Зная их, считая, что именно наши мысли вызывают звучание, мы, вероятно, сможем практически в любое время услышать голоса в кристалле.

ЮРГИН: Алексей Иванович, а что, если кристаллы не только говорят, но и передают услышанное в какой-то центральной пункт. Согласитесь, такое явление, как говорящие кристаллы, не могло возникнуть самопроизвольно. А если так, если связь двусторонняя, то мы сейчас же это проверим.

КОЛПАКЧИ: Сейчас?

ЮРГИН: Ну да! Я хочу установить двустороннюю связь. Если кто-то пользуется кристаллами для связи, отзовитесь! Я вызываю центр управления кристаллами... Ну, отвечайте! Я жду... Что же вы молчите?!

(Музыка кристалла)

МУЖСКИЕ и ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА: Техническая неполадка... Техническая неполадка... Техническая неполадка!

ВЕДУЩИЙ: Дальнейшие попытки извлечь из кристалла какие-нибудь звуки ни к чему не привели, но Юргин был доволен.

ЮРГИН: Это укрепляет мою догадку, Алексей Иванович. Видимо, какой-то центр, управляющий кристаллами, все же существует. Там почему-то не понравилась наша попытка общаться с ними, и они прекратили связь.

Догадка Юргина была правильной. Центр, управляющий связью с кристаллами, существовал.

В пространстве, ограниченном черной сферой, ни на что не опираясь, висел огромный, медленно вращающийся кристалл. Его грани поочередно оказывались против отверстий в сфере и тогда на этих гранях возникали изображения. Цветные, объемные. На каждой свое.

Вот в заснеженной чаще пробирается тихо олень. Яркое солнце. Синие тени. И вдруг едва слышный хруст веточки. Олень встрепенулся и исчез.

На другой грани едва видная в зеленоватом сумраке движется подводная лодка.

На третьей пустыня. Раскаленная, однообразная. Серо-желтый простор в нестерпимом сиянии тропического дня. Высохший труп человека и возле него рассыпано десятка полтора одинаковых, словно отштампованных кристаллов кварца.

В черной гулкой сфере слышится низкое звучание. Когда гигантский кристалл начинает вращаться быстрее, звучание становится звонче. По временам кристалл останавливается и тогда тоненький детский голос старательно выговаривает:

—Техническая неполадка. Раз, два, три, четыре, пять. Остановки не часты и изображения возникают вновь и вновь.

Вот на одной из граней виден кабинет Гаспара Молиано и слышится отчаянный голос дочери полицейского врача:

—Я не убивала, не верь ложным уликам! Я не убивала Дитриха!

На небольшой грани темно. В ночной мгле, крадучись, движется человек. Выстрел — и человек падает. Рука медленно разжимается и в ней кристалл...

Светлый, просторный кабинет Колпакчи. Глаза его опасливо блуждают, лоб мокрый от пота.

— Эпидемия. Все заболели. Всем, даже самому заместителю министра, чудятся голоса в кристаллах. Эпидемия. От этого никто не застрахован, да, от этого никто не застрахован...

...На боковой грани кристалла возникает лицо Юргина.

— Я хочу установить двустороннюю связь...Ну, отвечайте! Я жду... Что же вы молчите?!

— Техническая неполадка...Техническая неполадка...

Кристалл-гигант замер, и из него послышалось:

— Они пытаются наладить связь с нами. Программа не предусматривает двусторонней связи с объектами наблюдения. Прошу указаний. Прошу указаний...

В черной сфере стало тихо.

Не возникает никаких звуков в кристалле, когда он начинает вращаться вновь.

Но вот грани расцвелись, на них возникли изображения и в гулком шаре прозвучали два голоса. Один низкий, непривычного тембра, медленно произнес:

— С этим надо кончать.

Тут же послышался звонкий, почти детский голосок:

— Пощадите, пощадите их!

Илья ВАРШАВСКИЙ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вероятно, события, свидетелями которых мы с вами стали, приняли бы совершенно иной оборот, если бы некоторые участники событий и, прежде всего, профессор Колпакчи, исполняющий обязанности директора института, отличались большей проницательностью.

Накануне того самого дня, когда профессор Капустин впервые обнаружил говорящий кристалл, секретарша вручили Филиппу Аристарховичу Колпакчи тщательно упакованную картонную коробку и письмо.

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Это что? Откуда?

СЕКРЕТАРЬ: Ответ от профессора Феофанова.

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Какого Феофанова?

СЕКРЕТАРЬ: По поводу статуэтки, которую вы распорядились послать на экспертизу.

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Статуэтки? Что-то не припомню.

СЕКРЕТАРЬ: Ну, как же? Ее же прислали из среднеазиатской экспедиции, и вы сами распорядились послать ее на экспертизу?..

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Ах, да. Припоминаю. Была такая статуэтка. И письмо к ней было от начальника среднеазиатской партии. Где-то здесь лежало... Ага. Вот...

„Уважаемый Филипп Аристархович!

Думаю, что вас заинтересует находка, сделанная группой Петрова в районе Динау.

Найденная статуэтка, по-видимому, древнего происхождения, и, мне кажется, что есть смысл передать ее для детального изучения кому-либо из археологов...”

СЕКРЕТАРЬ: Вот я и отправила профессору Феофанову.

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: И что же сообщает наш уважаемый коллега?

СЕКРЕТАРЬ: Вот, пожалуйста.

„Изображения людей с птичьими головами были широко распространены в древнем Египте. В несколько иной манере они повторяются в наскальных рисунках племен, некогда населявших Полинезийские острова. Присланная вами статуэтка имеет много общего с полинезийскими вариантами.

Однако имеются соображения, по которым я вынужден решительно отвергнуть всякие предположения о древнем происхождении статуэтки.

Шаровое основание фигурки с птичьей головой представляет собой изображение земного шара. Даже если предположить, что в древности шарообразная форма Земли была известна, некоторым племенам, стоявшим на очень высоком уровне развития, то все же изображение материков на шаре совершенно не соответствует тому, что когда-либо могли наблюдать люди. Азиатский материк изображен соединенным с Австралией, что повторяет некоторые теории, выдвинутые в конце 19-го века. Эти теории относятся к виду земной поверхности до ледникового периода, когда человечество было еще в первобытном состоянии.

Таким образом, вашу статуэтку следует считать ничем иным, как неуклюжей подделкой древности. Никакой научной ценности не представляет...”

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ (*удовлетворенно хмыкнул*): Я так и думал, что эта их находка — чепуха. Да-с. Молодых людей послали искать медный колчедан, а не подбирать статуэточки. И пусть будут любезны выполнять свои прямые обязанности.

СЕКРЕТАРЬ: А куда мне деть статуэтку?

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Дайте-ка сюда. Отдам своему Юрке. Пусть поместит в свою коллекцию сокровищ или обменяет на марки. Научной ценности она не представляет.

ВЕДУЩИЙ. Теперь нам придется вернуться в далекое прошлое.

Двадцать девять столетий тому назад нубийский раб, работавший в копиях царя Соломона, нашел маленькую фигурку из зеленоватого металла. Человечек с большой головой, птичьим клювом и длинными торчащими ушами, стоял на металлическом шаре, устремив вверх руки, с щупальцеобразными пальцами. При легком прикосновении шар начинал качаться, издавая глухой протяжный звук, переходящий от низкого тона жужжания шмеля до внезапно обрывающегося печального звука на самой высокой ноте.

Триста пятьдесят лет эта статуэтка, вместе с другими диковинами, украшала портал храма, воздвигнутого легендарным царем Иудеи.

После разграбления Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором, статуэтка перекочевала в Вавилон.

В 538 году до нашей эры она числилась в списках трофеев персидского царя Кира, овладевшего Вавилоном, и была подарена царем его любимому сатрапу.

Через двести лет она оказалась в походной сумке одного из легионеров Александра Македонского, вторгшегося в Западную Индию. Дальше след статуэтки теряется.

Но вернемся в сегодняшний день и заглянем в школу, где учится Юра Колпакчи и Машенька Вахрамеева, дочка стекольщика, голосок которой мы услышали при довольно странных обстоятельствах в первой нашей передаче. Теперь Юра и Маша занимались решением задач.

МАША: Кажется, решила.

ЮРА: Все правильно. Тогда пошли домой. Да, посмотрю, что у меня есть. Отец вчера подарил.

МАША: Что это?

ЮРА: Поющий человечек. Слышишь?

Низкий мрачный звук наполнил весь класс. Нарастая по силе, этот звук становился все более чистым. Неожиданно песнь человечка с птичьей головой оборвалась на протяжной, очень высокой ноте.

МАША: Какая прелесть! Покажи! Ой! Меня ударило током!

(Статуэтка падает)

ЮРА: Что ты наделала? Такого человечка разбила!

МАША: Я не нарочно. Честное слово, меня дернуло током!

ЮРА: Эх ты! И шарик раскололся. Смотри, смотри, какой внутри маленький, прозрачный кристаллик.

В кристаллике что-то зашипело, и мужской голос громко произнес: — Простите, техническая неполадка!

МАША: Вот видишь, он сам говорит, техническая неполадка!

В кристалле снова зашипело, и уже другой голос сказал:

ОТЕЦ: Маша! Машутка! А ты как туда в этот камушек попала? Ты же в школу пошла утром!

МАША: Папин голос... Папа, это ты? А я и сейчас в школе. Папочка, почему ты из камушка разговариваешь?

ОТЕЦ: А почему ты отсюда разговариваешь, Машутка? Как ты там очутилась?

ГОЛОС. Техническая неполадка!

ЮРА: Ну, что я теперь своему отцу скажу?

МАША: Тебе попадет?

ЮРА: *(уныло)*. Наверное.

ВЕДУЩИЙ: Но Юра напрасно боялся предстоящего разговора с отцом. Когда он робко заглянул в кабинет отца и спросил:

ЮРА: Папа, можно к тебе?

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: В чем дело? Мне некогда.

ЮРА: Дело в том, что статуэтка...

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Какая статуэтка?

ЮРА: Та, что ты мне дал...

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Ну?

ЮРА: Она упала и раскололась. Внутри у нее был голубоватый камушек, который...

(Звонок).

ФИЛИПП АРИСТАРХОВИЧ: Прости, мне некогда. Слушаю... Ясно... У Юргина все готово? Сегодня едут? Я буду в институте через полчаса и все подпишу. (Кладет трубку). Пожалуйста, Юра, хоть ты не приставай ко мне с этой дурацкой статуэткой. У меня есть дела поважнее твоих камешков...

ВЕДУЩИЙ: Да, возможно, что если бы в этот день Филипп Аристархович проявил бы больше терпения, то многие события, о которых мы уже рассказывали, пошли бы совсем иначе; а сам Колпакчи, подписывая Юргену командировку на Памир, не отнесся бы к этому так равнодушно.

Но Филипп Аристархович, кажется, даже не слушал, что говорил ему сын... И все пошло своим чередом.

Через неделю Юргин и его товарищи работали на Памире.

ЮРГИН: Кажется, наконец, это тот спуск, который нам нужен.

ЖУРАВЛЕВ: Ты оптимист, Юргин. За двое суток это, по крайней мере, десятый спуск из тех, что мы пробовали. Не пришлось бы опять со всей этой ношей карабкаться наверх.

ЮРГИН: Лагерь должен находиться от нас на северо-запад. Это единственное направление, в котором следует идти. Где бы мы не спустились, там, в предгорье, мы обязательно наткнемся на людей. Все остальные направления заведут нас еще глубже в горы.

ЖУРАВЛЕВ: Ты думаешь, нас уже ищут?

ЮРГИН: Обязательно. Они ведь знают, что у нас продовольствия — всего на несколько дней. Поторопимся, однако.

ЖУРАВЛЕВ: Пить хочется. Удивительная мерзость этот растопленный снег. Скорее бы добраться до настоящей воды.

ЮРГИН: Внизу должна быть вода.

ЖУРАВЛЕВ: А, черт!!!

ЮРГИН: Журавлев, что ты? Сильно ушибся? Ну, вставай. Нужно закончить спуск до наступления темноты. Кто знает, что там впереди? Давай твой рюкзак.

ЖУРАВЛЕВ: Проклятая нога! Кажется, что идешь босиком по раскаленному железу!

ВЕДУЩИЙ. Теперь Юргин нес оба рюкзака, но видно было, что Журавлев и без ноши далеко не уйдет.

Они шли по узкому ущелью. Впереди была высокая гряда скал.

ЮРГИН: Стоп! Пришли! Садись. Попробуем снять твой сапог.

Журавлев вскрикнул.

ЮРГИН: Придется разрезать... И да, нога неважная. О том, чтобы идти дальше, нечего думать. Нужно искать место для ночлега.

ВЕДУЩИЙ. Юргин подошел к скале. На уровне человеческого роста в ней виднелось небольшое отверстие. Он подтянул оба рюкзака и просунул в отверстие голову.

ЮРГИН: Пещера. Попробуем переночевать тут. Давай руку.

ЖУРАВЛЕВ: Какой теплый воздух! И пахнет приторно-сладко.

Стены пещеры и пол были покрыты светло-розовым мхом, излучавшим слабый свет.

ЮРГИН: Отличная постель после этих скал!

ЖУРАВЛЕВ: Не нравится мне это место. Пахнет тут какой-то дохлятиной!

ЮРГИН: Запашок не из приятных. Но лучше ночевать здесь, чем в горах. Ложись, а я посмотрю — нет ли еще одного выхода. Мне кажется, что оттуда идет дневной свет. Может быть, и вода есть, не зря же тут растет мох.

ВЕДУЩИЙ: Юргин включил карманный фонарик, но тут же его погасил. Света, излучаемого стенами и полом, вполне хватало.

Он медленно шел по мягкому мху. И вдруг инстинктивно откинулся назад. Поднятая нога повисла над краем обрыва.

Волны горячего воздуха поднимались вверх из пропасти, казавшейся бездонной. Он лег на живот и посмотрел вниз.

Но ничего не увидел, кроме гигантских ступеней, почти полностью разрушенных тектоническими сдвигами породы.

ЮРГИН: (про себя): Интересно, сколько тысячелетий тому назад были вырублены эти ступени?

ВЕДУЩИЙ: Оглядевшись по сторонам, он увидел яркое пятно дневного света, лившегося из круглого отверстия у самого пола пещеры. Пролезть через него не представляло особого труда.

Перед ним была площадка, окруженная со всех сторон горами. Сверкающая в солнечных лучах гладкая поверхность скал казалась оплавленной.

В центре открытого пространства возвышалось какое-то сооружение. Юргин сделал несколько шагов по направлению к нему и вдруг остановился. Небольшой ручеек вытекал из расщелины в скале. Он с жадностью приник к нему ртом, но тут же вскочил. Вода была горячая.

ЮРГИН: Нет, нужно проверить на радиоактивность, раньше, чем пить.

ВЕДУЩИЙ: Теперь все его внимание было привлечено странным сооружением. Это было кольцо, диаметром около пятидесяти метров. Казалось, что наклоненное по отношению к горизонту, оно висит в воздухе. Подойдя ближе, Юргин обнаружил, что кольцо поддерживается тремя исполинскими кристаллами. Юргин подошел еще ближе, вдруг под его ногами содрогнулась почва. Радужный пузырь возник внутри кольца. Темно-фиолетовый сват залил пространство между кольцом и огненным диском, висевшим в сумрачном небе. Волны света, бежавшие по поверхности пузыря, уплотнились в кольцевом пространстве, создавая изображение исполинского существа.

На высоком постаменте стояла человеческая фигура. Длиннее туловище с короткими ногами было облачено в костюм, напоминавший скафандр. Огромная голова с вытянутыми глазами и длинными торчащими ушами, заканчивалась внизу коротким клювом. Непропорционально длинная рука, держащая шлем, устремлена в небо. Другая, согретая в локте, прижата к груди. Изваяние величиной в три человеческих роста было отлито из какого-то зеленоватого металла.

Юргин, пораженный, замер. И вдруг что-то неуловимо изменилось. В тот же миг Юргин почувствовал на себе изумленный взгляд зеленых глаз, лишенных век.

Андрей БАЛАБУХА,
Феликс СУРКИС

ГЛАВА ПЯТАЯ.

МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС: Говорит Галактика! Говорит Галактика!

ВЕДУЩИЙ: Чего угодно мог ожидать Юргин от древнего изваяния, но только не этих, таких знакомых слов. Он вздрогнул. Между поддерживающими кольцо кристаллами он видел противоположный склон котловины, в солнечных лучах казавшийся оплавленным, а выше кольца, простирая руку со шлемом к огненному диску, повисшему в сумеречном небе, возвышалась странная птицеголовая фигура.

ЮРГИН: Почему она мне так знакома? Словно где-то я видел подобное...

ВЕДУЩИЙ: Юргин вдруг почувствовал на себе изумленный взгляд зеленоватых глаз.

МЕХ. ГОЛОС: Говорит Галактика! Говорит Галактика! Установлена двусторонняя связь. Привет вам, мыслящие! Даем настройку: один, два, три, четыре, пять. Четыре, три, два, один. Отвечайте.

ЮРГИН: Здравствуй, Незвестный. Бездны пространства и Времени не помешали тебе стать гостем нашего мира. Человек Земли счастлив вступить в контакт...

ДЕТСКИЙ ГОЛОС: Контакт, контакт, контакт. Нет контакта.

МЕХ. ГОЛОС: Проверить контакты в шестнадцатой и семь ноль-ноль-штрих-девятистой второй цепях внешнего мнемоскада. ... Простите, техническая неполадка.

ЮРГИН: Что со мной? Что это было? С кем я говорил? Геннадий, где ты? Геннадий!

ЖУРАВЛЕВ: Чего ты кричишь, как безумный?

ЮРГИН: Интересно, как бы ты реагировал.

ЖУРАВЛЕВ: На что?

ЮРГИН: А ты подойди поближе. Посмотри.

ЖУРАВЛЕВ: Бегу. Вот черт, нога болит, проклятая.

ЮРГИН. Извини, забыл про твою ногу. Но, понимаешь, вон там, над кольцом...

ВЕДУЩИЙ: Журавлев, прихрамывая, двинулся к кольцу. Из центра его бил сноп света, сгущаясь в фигурку, похожую на древнеегипетского бога Тота, но с головой ибиса. Одной рукой он прижимал к груди свиток папируса, другой поднимал к небу чашу, обвитую змеей.

Журавлев сделал еще шаг вперед и словно наткнулся на пронзительный почти осязаемый взгляд зеленоватых глаз. И в ту же секунду...

ГОЛОС: Ты исцелен, человек. Откинь палку.

ЖУРАВЛЕВ: Невероятно... Я всегда думал, что чудес не существует.

ГОЛОС: Тогда извини... Я исчезаю.

ЖУРАВЛЕВ: Погоди, куда же ты...

ВЕДУЩИЙ: Журавлев хотел еще что-то сказать, но в ту же секунду изображение распалось. Журавлев, не помня себя, сделал еще несколько шагов вперед и протянул руки к кольцу, но невидимая упругая волна подхватила его и отнесла к тому месту, где стоял Юргин.

ЮРГИН: Ну что? Ты видел что-нибудь?

ЖУРАВЛЕВ: Не только видел, но и слышал. Послушай, я могу поклясться, что это был какой-то эскулап. И знаешь, невероятно, но, кажется, у меня зажила нога.

ЮРГИН: Опять, опять, как тогда с кристаллами. Каждый слышит и теперь уже видит свое. Гена! Мы прикоснулись к величайшей загадке, и мы должны ее разгадать, чего бы это ни стоило.

ЖУРАВЛЕВ: Боюсь, что плата будет дорогая. Не знаю, в чем тут фокус, но моя нога зажила окончательно. Может быть — повышенная радиоактивность?.. Она дает иногда подобные результаты.

ЮРГИН: Ты хочешь сказать, что мы облучились? Но даже если это так, я не жалею о том, что видел. И не только видел. Послушай, Журавлев, пока ты пытался вступить в общение с твоим, как ты говоришь, эскулапом, я его сфотографировал, и не позже, чем завтра, мы сможем узнать, что это было: бред двух сумасшедших или нечто более реальное.

ЖУРАВЛЕВ: Что Журавлев... Тем скорее нам надо убираться на базу. Видишь ли, у меня стали часы, и у тебя, кажется, тоже. И, кроме того, — посмотри на компас.

ЮРГИН: Гм... Стрелка прямо-таки твистует. Так ты все-таки думаешь, что это... Хорошо. Собирай вещи. Пошли.

ВЕДУЩИЙ: Но Юргин и Журавлев в этот день на базу не попали. Без компаса, без часов дорогу найти было нелегко. Почти совсем обессилев, они медленно брели на северо-запад, к людям.

На вторые сутки их обнаружил вертолет и доставил в Душанбе, где находилась база. Здесь их ждала телеграмма от Капустина: „Срочно вылетайте Москву всемирное совещание кристаллографов”.

Через шесть часов Юргин и Журавлев уже сидели в кабине самолета, взявшего курс на Москву. В чемодане Юргина лежала фото пленка, которую он так и не успел проявить.

ЮРГИН: А все-таки не люблю я эти самолеты-гиганты...

ЖУРАВЛЕВ: Несовременный ты человек, Сергей. Это просто нечестно — сидеть в самолете и рассуждать о трогательной неприязни к авиации...

ЮРГИН: И, тем не менее, не по душе мне турбореактивные кашалоты... Вертолеты, „Пчелки” — куда ни шло. А эти отобрали у человека чувство путешествия. Понимаешь? В поезде, например, видишь, как постепенно меняется ландшафт, климат, одним словом, реально ощущаешь свое перемещение в пространстве. А здесь? Садись в самолет в типовом аэропорту Душанбе. Несколько часов болтаешься в воздухе, под облаками, ничего не видишь, особенно — как сейчас — ночью, потом выходишь в таком же типовом аэропорту в Ленинграде или Владивостоке. И — ничего. А ведь ты пересек весь Союз.

ЖУРАВЛЕВ: Поэтому-то ты и отправился в Конакри теплоходом?

ЮРГИН: Да. И тогда, действительно, расстояние между Ленинградом и Конакри... Кстати, о Конакри. Послушай, Гена, я хочу рассказать тебе одну историю, с которой, кажется, все и начинается.

ЖУРАВЛЕВ: Что — все?

ЮРГИН: А вот послушай. Примерно через полгода моей работы в Африке, я прибыл в Конакри для отчета. Отчет прошел удачно и, выйдя из управления, я решил пройтись пешком...

Юргин медленно двигался по узким улочкам, вглядываясь в смеющиеся лица, причудливые маски, живые глаза давным-давно убитых животных. Пели и плясали все. Даже европейцы, казалось, шли, слегка пританцовывая. Гремели барабаны, скрипели дудки-пищалки, завывали африканские скрипки с единственной струной.

Со всей Африки съехались в Конакри колдуны, знахари, нганги... Шла Неделя Чудес.

Многого Юргин не понимал из-за плохого знания языка, но мог уловить смысл в отдельных выкриках:

— Наши украшения всем на заглядение!

— Нганга племени Мамнуку — самый удачливый нганг! Его добрые предсказания сбываются всегда, дурные — никогда!

— Зубы крокодила — на ожерелье милой!

Игриво потряхивая тяжелыми витыми рогами, поводя глазами из стороны в сторону, прошла девушка-антилопа. Протопали ловцы слонов в полном охотничьем снаряжении. Сомкнутой группой двигались охотники-массаи. И вдруг над самым ухом Юргина кто-то рявкнул по-английски.

Юргин оглянулся. Человек в одной набедренной повязке, татуированный с ног до пучка волос на затылке, с кольцом в носу и палочками в ушах требовательно кричал в электромегафон:

— Вы держите в руках свое будущее! Откройте левую ладонь! Видите эти линии? По ним я расскажу вашу судьбу, и вы не пройдете мимо собственного счастья. Будущее не имеет от меня тайн! Стойте!

Но Юргин только махнул рукой и ускорил шаги. И тут какой-то высокий, чуть седоватый человек лет пятидесяти дотронулся до его плеча.

ДИТРИХ: Вы русский.

ЮРГИН: Да. А вы что — прорицатель?

ДИТРИХ: Нет, но я сразу понял, что вы из России: в какой еще стране так широко применяют этот жест? И в какой еще стране так единодушно не верят прорицателям?

ЮРГИН: Вы бывали у нас?

ДИТРИХ: Я бывал везде. И смело могу сказать это на любом языке мира.

ЮРГИН: Феноменальная память!

ДИТРИХ: Отчасти... Но больше — жесткая необходимость. Кстати, позвольте представиться: Бруно Дитрих, коммерсант из Сингапура.

ЮРГИН: Сергей Юргин, геолог.

ДИТРИХ: Рад. Так вот, мистер Юргин, по роду деятельности мне пришлось объездить без малого весь земной шар. Сейчас, например, я побывал на территории бывшего Великого Бушонго.

В это время внимание Юргина привлекла странная процессия. Но улице медленно двигалась колесница, запряженная парой быков. Формой она напоминала египетскую, но изогнутые борта оканчивались сзади, как решил Юргин, сильно стилизованными рыбьими плавниками, в колеснице стоял во весь рост человек в одежде, напоминающей хитон. Одна рука его, согнутая в локте, была прижата к груди, а другой он поднимал над головой огромный кристалл, ослепительно сверкающий в солнечных лучах. Такой же кристалл украшал дышло колесницы в том месте, где обычно крепился символический щит возницы. Человек медленно поворачивался из стороны в сторону, а второй, стоящий рядом, быстро прикладывал к его лицу различные маски. В них, варьируясь, повторялся один мотив — клювообразный нос и ослиные уши.

ЮРГИН: Что это?

ДИТРИХ: Ритуал великого бога бушонго. Иногда его называют еще богом Ненастоящего.

ЮРГИН: Но кристалл таких размеров?! Я геолог, но никогда не слышал ни о чем подобном!

ДИТРИХ: Не удивляйтесь, мистер Юргин. Дань времени... Это плексигласовый макет. Когда-то камни были настоящими, но зато и намного меньше.

ЮРГИН: Интересно.

ДИТРИХ: С этим богом у бушонго связана любопытная легенда.

ЮРГИН: Какая же?

ДИТРИХ: В пересказе она звучит примерно так. За триста царей до великого Бо Кама Боманчала, когда не было еще лун, явился людям бог. Он пришел с далекого восхода и многому научил людей: отличать добро от зла и добывать металлы, ценить красоту и изготавливать духовые ружья... но потом ушел он в свой Небесный Дом и увел с собой лучших учеников — пусть живут в Доме его и познают мудрость. Слава о Великом боге прошла по всем концам Африки. И

потоком полились паломники в Небесный Дом — услышать слово мудрости и получить исцеление, прогреть духом и обрести силу. По широким каменным ступеням поднимались они к алтарю и молча ожидали чуда.

— Мыслите о боге! — трижды восклицал верховный жрец в пурпурной мантии, простирая к толпе руки.

И словно в ответ на мысли тысяч людей в столбе огненного света возникал бог. Каждый видел его по-своему, и с каждым он говорил о его делах. А больных и увечных уводили жрецы вглубь храма. Там они грелись в лучах никогда не заходящего солнца, окунались в горячие воды священного ручья и ловили живительное дыхание Земли из подземного колодца. И слепые возвращались прозревшими, больные — здоровыми, слабоумные — мудрыми.

И уходили паломники, унося в сердцах память о боге. А те, кто приносил в дар храму золото, драгоценные камни или редкие шкуры, получали и частицы Великого — маленькое изображение его, стоящее на шарике с непонятным рисунком и кристалликом внутри. Стоило открыть шарик — и кристалл говорил с человеком голосом бога...

Но не все приходили к богу с открытым сердцем. Находились такие, кто пытался таймом проникнуть в храм и постичь тайнства бога. Но отбирал великий их душу, а вместо сердца вкладывал в грудь маленький голубоватый кристалл... Странная судьба ожидала этих людей, никогда не умирали они. Вечно странствуя по свету, носили они в себе глаза и уши бога... Любопытная легенда, правда?

ЮРГИН: Очень. Интересно, а какие факты легли в основу этой легенды?

ДИТРИХ: Не знаю, хотя похожие предания мне доводилось слышать в глубинных районах Боливии и Перу. Между прочим, старик бушонго, рассказавший мне это, в знак особого расположения подарил мне такую „частицу бога”. Вот она.

ВЕДУЩИЙ: Дитрих вынул из кармана замшевый футляр, в каких обычно хранят драгоценности. В футляре лежал довольно крупный неграненый аметист.

ДИТРИХ: Он обладает любопытнейшими свойствами... Вы геолог, специалист. Возьмите и исследуйте этот кристалл. Вы ведь только дилетант, не буду вам ничего рассказывать — не хочу, чтобы вы сочли меня сумасшедшим... Вы долго пробудете в Конакри?

ЮРГИН: Нет. Только три дня. А опять попаду сюда только месяца через четыре. Но уже довольно надолго — минимум на полгода.

ДИТРИХ: Ну что ж, тогда и навестите меня, отдадите кристалл. Кстати, вот моя визитная карточка.

ЮРГИН: Оставив в моих руках кристалл и карточку, он исчез в толпе.

ЖУРАВЛЕВ: Ну, а дальше что?

ЮРГИН: Я внимательно исследовал камешек Дитриха. Но ничего замечательного не обнаружил. Кристалл как кристалл. Через мои руки прошли сотни таких.

Но как-то раз я сидел ночью в палатке и рылся в журналах, разыскивая статью Летекруа. И вдруг из кристалла, который я перед тем положил на стол, явственно услышал голос академика, читающего доклад на Парижском конгрессе геофизиков. Потом через несколько дней я таким же образом услышал, как моя племянница ведет урок географии в Новочеркасской школе, обрывки лекций профессора Капустина...

Попад снова в Конакри, я первым делом помчался к Дитриху.

Я застал его в тот момент, когда он по каким-то своим делам уезжал в Мексико-Сити. Нам так и не удалось поговорить. Кристалл я, конечно, вернул. Он обещал вернуться и тогда что-то сообщить мне, но не сдержал слова.

Срок моей командировки в Африку кончался, я стал наводить справки о Дитрихе, и, в конце концов, узнал, что он был убит при невыясненных обстоятельствах в междуна-

родном аэропорту Касабланка.

ЖУРАВЛЕВ: Здорово! Подумай только, я и в детстве сказок с таким интересом не слушал!

ВЕДУЩИЙ: Как ни торопились Юргин и Журавлев к началу утреннего заседания, но вошли в зал только в тот момент, когда профессор Колпакчи заканчивал выступление.

КОЛПАКЧИ: Итак, резюмируя с этой высокой трибуны все вышесказанное о пресловутой загадке кристаллов, я должен заявить: никакого особого вида связи не существует.

ДИТРИХ: Ну, это как сказать!

КОЛПАКЧИ: Не существует. Кристаллы — это зеркала, отражающие мыслительные процессы индивида. Они резонируют биотоки мозга так же, как это делают мазеры с электромагнитными волнами и лазеры — со световыми. При этом малейшие искажения и неточности вызывают лавину новых мыслей, иногда неожиданных, находящихся на уровне подсознания. Они усиливаются и возвращаются в мозг в виде ярких эмоциональных картинок. Загадки же кристаллов не существует. Да-с.

ДИТРИХ: Ну, это как сказать! Я позволю себе несколько вопросов к докладчику.

ВЕДУЩИЙ: В ложе для гостей поднялся высокий, загорелый человек лет пятидесяти. В проходе он чуть не столкнулся с Юргиним, пробиравшимся к пятому ряду, в котором сидели представители его института. Увидев незнакомца, Юргин даже головой затряс от неожиданности.

ЮРГИН: Ничего не понимаю... Ведь вас же в Касабланке... убили... в аэропорту.

ДИТРИХ: Пустяки, Серж. Техническая неполадка.

ВЕДУЩИЙ: И абсолютно невредимый Дитрих быстрыми шагами направился к докладчику.

Ольга ЛАРИОНОВА

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ДИТРИХ: Уважаемый профессор, дамы и господа! К сожалению, я не специалист в области кристаллографии, я, простите, коммерсант, поэтому некоторые мои вопросы покажутся несколько наивными *(в зале шум, недовольство)*. На столе президиума я вижу доску, на которой прикреплены так называемые „говорящие” кристаллы. Разрешите взглянуть...

Благодарю вас, я вижу, что все они действительно говорящие. Мой первый вопрос? обращали ли вы внимание, уважаемый профессор, на то, что эти кристаллы разного цвета?

КОЛПАКЧИ *(важно)*: Да, я обращал на это внимание.

ДИТРИХ: Сделали ли вы из этого какое-либо заключение?

КОЛПАКЧИ: Разумеется. Что цвет кристалла не играет никакой роли.

(В зале смех)

ДИТРИХ: Еще раз повторяю, что я не специалист, поэтому я позволю себе различать эти кристаллы по цветам, не прибегая к точным названиям минералов. Так вот, не бросилось ли вам в глаза, что среди „говорящих” кристал-

лов больше всего бесцветных, затем — сиреневых, далее — голубых, и уже совсем мало зеленых?

КОЛПАКЧИ: Это случайное распределение: повторяю, что цвет не имеет никакого значения. В какой-нибудь другой коллекции может оказаться превалирующее число как раз голубых.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Позвольте, позвольте: в Кейптаунском минералогическом музее тоже сделана подборка „говорящих” кристаллов. Распределение по цветам аналогичное!

ДРУГОЙ ГОЛОС: То же самое я могу сказать и о Масачусетской коллекции!

ДИТРИХ: Я был в этом уверен.

КОЛПАКЧИ: Я боюсь, что мы понапрасну теряем время...

ДИТРИХ: Простите, профессор, но я кончаю. Еще раз повторяю, что я не кристаллограф, но на досуге я сконструировал один небольшой прибор... вот он. Условно я его назвал — „резонансный определитель возраста кристаллов” (*взрыв удивленных возгласов*). Я позволил себе определить возраст „говорящих” кристаллов и нашел, что каждому цвету соответствует определенный возраст.

КОЛПАКЧИ (*почти издевательски*): Ну, примерный возраст минералов вы могли найти в специальном справочнике или, на худой конец, в учебнике минералогии.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Пусть говорит! — Ерунда! — Ваши данные! — Возраст! — Покажите прибор!

ДИТРИХ: И все же я позволю себе продемонстрировать мой прибор в действии. Это будет весьма наглядно, так как специально для этого конгресса я подключил к прибору диктодatchик. Господин председатель, передайте мне, пожалуйста, вон тот зеленоватый кристалл — сохранность его я гарантирую. Благодарю. Я вкладываю кристалл в мой прибор...

(*Раздается жужжание, потрескивание, затем металлический голос объявляет: „Две тысячи пятьсот пять лет”*)

КОЛПАКЧИ: Ерунда!

ДИТРИХ: Теперь голубой.

(Снова жужжание, треск и голос: „Семьсот тридцать один год”)

КОЛПАКЧИ: Дремучая чушь. Мы теряем время.

ГОЛОСА: Продолжайте! — Продолжайте! Интересно!
— Фальсификация!

ДИТРИХ: Прошу вас — сиреневый кристалл... Так...

(Те же шумы, голос: „Двадцать четыре и пять десятих года”)

ГОЛОС ЮРГИНА: Время второй мировой войны!

ДИТРИХ: Совершенно верно, мистер Юргин. И последний тип кристалла — бесцветный.

(Шумы, голос: „Ноль целых, девяносто четыре сотых года?”)

(Зал взрывается)

КОЛПАКЧИ: Дайте ему другой кристалл!

ДИТРИХ: Пожалуйста. Тоже бесцветный! Хорошо.

(Шумы, голос: „Ноль целых, девяносто четыре сотых года”)

ДИТРИХ: Как я уже говорил, кристаллы одного цвета имеют одинаковый возраст.

ГОЛОСА: Подделка! — Не может быть! — Магнитонные трюки! — Гениально! — Жульничество! — Новая эра!

КОЛПАКЧИ: Я надеюсь, всем присутствующим в этом зале, за исключением моего оппонента, очевидно, что естественный кристалл кварца не может иметь возраст в один год. Или вы утверждаете, что он получен искусственно...

ДИТРИХ: Однако вы согласитесь со мной, что естественные кристаллы не могут иметь возраст в семьсот и в две с половиной тысячи лет. Но ведь искусственные кристаллы не могли быть изготовлены на земле в те времена!

КОЛПАКЧИ: Вы сами себя разоблачаете. Наш прибор — жульническая шарманка!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Господин Дитрих! Вот обыкновенный, не говорящий изумруд, подлинность которого могла

бы засвидетельствовать моя прабабушка. Не будете ли вы любезны определить его возраст с той же точностью?

ДИТРИХ: Нет ничего проще. Дайте, пожалуйста, ваше кольцо.

(Жужжание, голос: „Двести двадцать шесть и три десятых миллиона лет”)

ДИТРИХ: Ваша прабабушка завещала вам великолепный камень.

(Взрыв аплодисментов)

ГОЛОС ЮРГИНА: Какой же вывод?

ДИТРИХ: Вывод напрашивается сам собой: „говорящие” кристаллы имеют неземное происхождение, ибо они не могут быть естественными — и не могут быть искусственными. Я кончил, дамы и господа. Благодарю за внимание.

(Аплодисменты, затем шум зала — недоумение. Шум утихает)

ВЕДУЩИЙ: Юргин бросился вслед за Дитрихом, но догнать его удалось только в вестибюле.

ЮРГИН: Господин Дитрих! Господин Дитрих! Да стойте же!

ДИТРИХ: А, это вы, Серж. Простите, я тороплюсь.

ЮРГИН: Два слова, господин Дитрих! Из вашего выступления следует, что на землю неоднократно прилетали невидимые пришельцы, которые разбрасывали по всем материкам говорящие кристаллы?

ДИТРИХ: Нет, Серж. Для этого не надо было прилетать неоднократно. Достаточно было прилететь один раз — и забросить кристаллы в различные эпохи *(пауза)*. Я вижу, вы хотите спросить меня, когда это было? Могу ответить вам: не знаю. Ведь они могли сделать это и из будущего...

ЮРГИН: Это слишком невероятно, поэтому позвольте более практический вопрос: на каком принципе основано действие резонансного определителя?

ДИТРИХ: К сожалению, я не имею времени... Но я сделаю проще: я подарю вам этот прибор. Держите.

ЮРГИН: Благодарю, но... Это просто черная коробка. Пустая коробка. Внутри что-то написано ... „Замшевые перчатки?“

ДИТРИХ: Вот именно — коробка для перчаток. У меня просто ничего другого не было под руками.

ЮРГИН: А как же возраст кристаллов?

ДИТРИХ: Возраст кристаллов назван мною совершенно точно.

ЖУРАВЛЕВ (*издалека*): Сережка! Юргин! Скорее сюда!

ЮРГИН: Извините, господин Дитрих... Ну, что тебе?

ЖУРАВЛЕВ: Пока ты торчал тут на конгрессе, я проявил пленку. Ту самую, памирскую, где я снимал черного бога. И вот...

ЮРГИН: Можешь не трудиться — я уже знаю, что там.

ЖУРАВЛЕВ: Ну, ну?

ЮРГИН: Там нет ничего — ни круга, ни кристаллов, ни статуи.

ЖУРАВЛЕВ: Если бы так! Круга и кристаллов действительно нет, но вместо статуи божества... Смотри!

ЮРГИН: Человеческая фигура... Это же Дитрих! Бруно Дитрих! Постой, но ведь я с ним только что говорил. Где он?

ЖУРАВЛЕВ: Не видно.

ЮРГИН: В гостиницу! Скорее к нему в гостиницу!

(*Стук в дверь, еще и еще*)

ЮРГИН: Господин Дитрих!

(*Из-за двери слышен приглушенный голос Дитриха*)

ДИТРИХ: Прошу не входить. Техническая неполадка.

(*Раздается звон, словно разом бьется множество тонкой стеклянной посуды*)

ЮРГИН: Там какое-то несчастье... А ну-ка, налегли.

(*Треск двери, открываемой без ее согласия*)

ЖУРАВЛЕВ: Никого.

ЮРГИН: Что и следовало ожидать, но здесь что-то разбилось...

ЖУРАВЛЕВ: Вернее — нам показалось, что разбилось. На полу ни осколочка стекла. Чисто.

ЖУРАВЛЕВ: Вот он — на письменном столе. А если с его помощью попытаться связаться с Дитрихом?

ЮРГИН: Сомнительно... хотя можно попробовать. Бруно Дитрих! Вас вызывает Сергей Юргин. Бруно Дитрих! Отзовитесь! *(пауза)* Нет, знаешь, Генка, это было бы слишком просто: ау, братец Дитрих, стань передо мной, как лист перед травой — и в тот же миг искомый Дитрих является пред светлые наши очи. Нет, у меня такое ощущение, что наш вода ничего не изменит. Он появляется, когда хочет, говорит ровно столько, сколько ему нужно — и исчезает.

ЖУРАВЛЕВ: Ты предлагаешь не искать его?

ЮРГИН: Абсолютно бесполезно. Гораздо результативнее было бы заняться пещерой.

ЖУРАВЛЕВ: Мечты, мечты... Кто тебе даст разрешение на новую экспедицию? Разгар лета, все партии уже в поле.

ЮРГИН: Разгар лета... Остается одно — обыкновенный, дикий турпоход.

ЖУРАВЛЕВ: Сережка, ты гений. Кого берем?

ЮРГИН: Берем людей, способных верить в чудеса.

ВЕДУЩИЙ: Их набралось шестеро — людей, способных верить в чудеса: Сергей Юргин, Геннадий Журавлев, трое студентов-геофизиков и старый, опытный турист — школьница Маша Вахрамеева. Не прошло и трех недель с того памятного дня на конгрессе, как они уже карабкались по крутым памирским тропам, стараясь отыскать ту, которая вела в пещеру с розовым мхом.

МАША: Сергей Александрович, вот я говорила вам, что эта тропа не засыпана — видите, как они долго не возвращаются? Они, наверное, уже в пещере.

ЮРГИН: Вот и хорошо, что в пещере.

МАША: Я же говорила, Серсаныч, что идти надо всем вместе.

ЮРГИН: Говорила, говорила.

МАША: Они — там, а мы — тут...

ЮРГИН: Марья, перестань хныкать!

МАША. Можно я немножко по тропе пройду? Я посмотрю, возвращаются они или нет? А?

ЮРГИН: Я тебе пройду! В следующем году будешь на даче сидеть, клубничку поливать.

МАША: Журавлев возьмет (*вздох*). Вот вы, Серсаныч, всегда так — совсем ведь мало осталось, до пещеры рукой подать, так вот именно тогда я и должна вещи караулить...

ЮРГИН: Какой толк тащиться с рюкзаками и камерой, когда тропа почти наверняка завалена. Так что сиди и не шибуршись. Дует тебе, что ли?

МАША: Вот именно — дует. Вон из той расщелины.

ЮРГИН: Фантазия у тебя богатая, и все от безделья. А ну-ка, затащим туда вещи — а то как бы ночью грозы не было. Бери камеру, неси под навес и положи у самой стеночки.

МАША: Серсаныч, а тут стеночки нет. Тут коридор.

ЮРГИН: Марья, сейчас же назад. Не смей туда забираться!

МАША (*голос изнутри*): А я больше не забираюсь, тут дальше некуда, разве что наверх...

ЮРГИН: Горе мое... Где ты?

МАША: Серсаныч, идите на свет!

ЮРГИН: Откуда у тебя свет?

МАША: А это не у меня, тут вверху небо.

ЮРГИН: Действительно... Вроде огромного колодца. А это еще что?

МАША: Ступени наверх... А что, если это те самые ступени?

ЮРГИН: Машка, нам же небывало повезло, нам фантастически повезло! Тогда мы смотрели сюда сверху...

МАША: Лезем?

ЮРГИН: Естественно, лезем. Только учти, если что, то это ты виновата. Ты ступени нашла.

ВЕДУЩИЙ: Часа два они карабкались по гигантским, осклизлым ступеням. Наконец они поднялись на последний уступ.

ЮРГИН: Ну, вот. Отдышись.

МАША: Пещера где? А черный круг был на той площадке, да? И кристаллы? И Дитрих? Я отдышалась... Это вход в пещеру, да?

ЮРГИН: Да, но только я полезу туда первым.

МАША: Сергей Александрович, стойте! Там... гроб.

ЮРГИН: Спокойно, Марья, спокойно, во-первых, таких гробов не бывает — полтора метра в ширину, метра четыре в длину. Разве что там похоронен крокодил. А во-вторых, куда девался розовый мох? Пещеру словно отполировали.

МАША: Серсаныч, а что это такое блестящее, вон там, сбоку на ящике?

ЮРГИН: Бог его знает. Украшение какое-то. Только не подходи. Эх, камеры внизу оставили.

МАША: Но у меня фотоаппарат... И магия сколько угодно.

ЮРГИН: Машка, ты сегодня молодчина! Снимай скорей.

(Щелчок аппарата — и сразу металлической мелодичный звук)

МАША: Ой, ящик сам собой раскрылся!

ЮРГИН: Фотографируй, Маша, скорее! Двум смертям не бывать...

(Несколько раз щелкает аппарат)

ЮРГИН: Я осел, можно было сообразить, что это блестящее — замок на фотоэлементах!

МАША: Пленка вся, Сергей Александрович! Что дальше?

ЮРГИН: Дальше — разумнее всего было бы отойти метров на сто.

МАША: Сергей Александрович, а ведь там — в ящике — лампочки.

ЮРГИН: Действительно, похоже. Четыре ряда стеклянных баллончиков, в каждом ряду штук сто. Внутри баллончика... Темно, черт побери, но внутри что-то есть.

МАША: Внутри каждой лампочки — металлический тюльпан. Видите — стебелек, а на нем головка цветка.

ЮРГИН: Теперь вижу. Глаза привыкают, или эти тюльпаны слегка светятся...

МАША: И даже не слегка — они разгораются! Я же говорила, что это просто лампочки.

ЮРГИН: Один ряд светится белым светом, другой — лиловым, третий — голубым, четвертый — зеленым... Пленки совсем не осталось?

МАША: Совсем.

(Медленно нарастает пульсирующий гул)

МАША: Это что — никак вертолет?

ЮРГИН: Нет, Машенька, это гудят лампочки.

ВЕДУЩИЙ: И действительно, странные баллончики, принятые Юргиним и Машей за лампы, разгорались все сильнее и сильнее. Лепестки металлических тюльпанов начали медленно расходиться, и стало видно, что внутри каждого цветка бьется упругий язык пламени, окрашенный в один из четырех цветов.

МАША: Смотреть больно...

ЮРГИН: Маша, немедленно вон из пещеры. Ну!

МАША: А вы?

ЮРГИН: Я должен наблюдать...

(Сильный звон, раздается металлический голос)

ГОЛОС: Всем покинуть пещеру! Эксперимент под угрозой! Может быть нарушена временная связь...

(Голос заглушается звуком лопающихся ламп. Стоит непрерывный звон)

ЮРГИН: Беги, Маша... беги... придет Журавлев... скажешь запах... розового мха...

МАША: Сергей Александровичу проснитесь! Мне же вас не поднять, вы задохнетесь от этого запаха... фу... фу... гадость... дышать нечем... и блеск... камни блестят... кристалл...

ВЕДУЩИЙ: А тюльпаны все раскрывались, выворачиваясь наизнанку, стеклянные оболочки цветов лопались и исчезали, ослепительной вспышкой полыхали языки белого, зеленого, голубого и лилового пламени — и тут же угасали, а на их месте, подрагивая и переливаясь, застывали разноцветные кристаллы. Но ни Юргин, ни Маша этого не видели — они спали.

(Тихий перезвон, в который врывается голос Журавлева)

ЖУРАВЛЕВ: Сергей! Сергей! Да проснись же!

ЮРГИН: М-м... Генка... Маша! Маша где?

ЖУРАВЛЕВ: Да тут же. Вон просыпается. Как вы здесь очутились? Ведь мы же оставили вас внизу?

ЮРГИН: После, Генка, после. Вы давно нас вытащили из пещеры?

ЖУРАВЛЕВ: Никто вас не вытаскивал. Вы тут и лежали, носами сопели, и ручки на животике сложены. А пещера — вон, шагах в двадцати.

ЮРГИН: Вы хоть заглядывали туда?

ЖУРАВЛЕВ: А как же — оттуда так несло жженой резиной. Ничего там нет. Пусто.

ЮРГИН: Там же был ящик, а в нем — несколько сот маленьких возгорающихся саморазвивающихся систем! От вспышки магния начался цикл развития, и в самый последний момент, когда у меня совсем закрывались глаза, мне показалось, что каждая система образовала кристалл определенно цвета... Но может быть — это был уже бред?

МАША: Нет, Сергей Александрович, я их тоже их видела. Разноцветные кристаллы, такие новенькие, блестящие...

ЖУРАВЛЕВ: Но куда все это делось? На полу пещеры мы нашли только вот этот кристалл, и все...

ЮРГИН: Какой крошечный... И совершенно желтый, словно капля меду. Такой тип встречается впервые. Дай-ка его мне...

ГОЛОС: Кристалл должен быть передан женщине...

ЮРГИН: Час от часу не легче! Ну, Марья, ты у нас единственная дама. Держи!

ГОЛОС: Их битте дих, Лиз...

МАША: Я не понимаю! Говорите по-русски!

ГОЛОС *(после некоторой паузы)*: Техническая неполадка.

Аскольд Шейкин

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ГОВОРЯЩИЙ КРИСТАЛЛ

Лиз Рейер прислушалась: какие-то люди, негромко разговаривая, шли по тюремному коридору. Она поднялась с дощатого топчана, на котором провела эту ночь, припнула ухом к замочной скважине. Голоса раздавались уже совсем рядом.

— Мохаммед умеет быть верным, — она узнала голос надзирателя Бен-Буско. — Он не забывает добро. Как забыть?.. Мохаммед умеет быть верным...

— Ну что вы говорите, Мохаммед! Ваш сын... У него было самое обычное воспаление легких... Я ничего особенного не сделал, — отвечал кто-то до странности знакомым голосом.

Послышался звон ключей и грохот отодвигаемого засова. Лиз Рейер отступила от двери, выпрямилась, подняла подбородок. Снова допрос? По ведь она действительно ничего не знает об этом Бруно Дитрихе!..

Дверь распахнулась. Сна увидела, что на пороге стоит ее отец. Она шагнула к нему навстречу, обняла, прижалась к его груди, и все, что было с нею за эти последние несколько суток, вдруг отступило в прошлое, совсем забылось. Душевный покой и, вместе с тем, необоримая слабость овладели ею.

Отец бережно усадил ее на доски жесткого ложа, сел рядом, и первое время они лишь молча смотрели друг на друга.

— Боже мой! Лиз! — наконец проговорил он. — Я все же надеялся, что это не ты... Как ты оказалась в этом городе? Ты же уехала в Марракеш шесте с Дороти! Что произошло, Лиз?

— Отец, — ответила она. — Ты не верь им. Я не убивала, отец!

Это было самое главное, что она хотела сказать ему в первую очередь. Ей было страшно: неужели и он может так плохо думать о ней?

— Я никого—не убивала, отец!

— Конечно, — повторял он, — конечно...

— Они не давали мне пить, грозили пытать электрическим током... Какое счастье, что ты пришел! Ведь я же ни в чем не виновата! Я только слышала выстрелы!

— Ты слышала выстрелы? — спросил Рейер встревоженно. — Когда это было?

— В аэропорту.

— Что ты там делала?

— Приехала, чтобы забрать зонтик и плащ... Но ты не огорчайся, отец! Когда послышались выстрелы, все выбежали на улицу, в камере хранения остались только служитель, одна пожилая женщина и я. Они подтвердят. Я уверена.

— Ты говорила это капитану Гиббсу?

— Да. И инспектору Молуано. Они отвечают, что я могла стрелять под гипнозом, и все остальное мне только кажется... Но ведь меня видели в камере хранения! Господина Дитриха я встретила уже часа через два после стрельбы, когда все успокоилось, и я смогла пробиться к стоянке такси.

— Боже мой! Что ты говоришь? Бруно Дитрих убит, я вскрывал его тело!

— Значит, это был другой Бруно Дитрих.

— Какой другой! — в отчаянье воскликнул полицейский врач. — Нам никогда не оправдаться, Лиз!.. Где же ты видела этого господина?

— Он стоял возле своей машины и не мог открыть дверцу. Он дрожал, как в лихорадке. У него не было сил.

— И ты ему помогла?

— Но что же было делать, отец? Он не мог даже повернуть ключ зажигания!

— Ты села в его машину?

— Да.

Рейер бессильно опустил руки.

— Мы погибли, — сказал он, — Ты с ним говорила, ты ему помогла...

— Но я же не знала, тогда, кто он такой. Для меня это был просто мужчина в сером костюме, в пробковом шлеме, очень бледный, больной... Он даже не мог говорить, а за все благодарил улыбкой. Как его зовут, я узнала то время допроса. Господин Гиббс показал фотографию, где я стояла вместе с этим человеком возле машины и сказал: „Вот Бруно Дитрих”.

— И ты тогда поехала с ним?

— Я не могла оставить его одного. Он вот-вот мог свалиться в обморок.

— Ну а что было потом?

— Как только мы отъехали от аэропорта, ему стало лучше. Я поняла, что приступ прошел, и решила пересест в такси. Я же спешила на поезд.

— И он тебя высадил?

— Он сказал, что ему со мной по пути. Это было очень любезно: до поезда оставалось совсем уже мало времени. Я знала, что Дороти ждет меня и очень волнуется.

— Но ты все же вышла из его машины...

— Он привез меня на вокзал и даже проводил на перрон. Он был очень вежлив со мной... А в Марракеше, как только я ступала на платформу, подошел капитан Гиббс. Я обрадовалась ему, как знакомому, но он тут же, при всех, надел мне наручники. Такой позор, отец! Я протестовала, он так грубо меня обрывал... Я даже плакала. Потом он привез меня к господину Моуано.

— И что же от?

— Спросил, когда именно я познакомилась с Бруно Дитрихом. Я не понимала, о ком идет речь. Они показала мне фотографию... Но я же объясняла тебе, отец!

— Боже мой, — повторы Рейер. — Только подумай: моя дочь, дочь полицейского врача, замешана в преступлении!..

— Но я же не убивала, отец! Ты веришь мне? Ты спасешь меня?..

Бен-Буско приоткрыл дверь камеры.

— Мне очень не хочется торопить вас, господин доктор, — проговорил он, из вежливости не глядя в сторону Лиз и ее отца, — но минут через десять контрольный обход, а сегодня по управлению дежурит лейтенант Джефферс. Он очень строг.

Лиз приподнялась и зашептала отцу на ухо:

— Они еще сказали во время допроса, что в груди этого Дитриха оказался разбитый кристалл изумруда. Очень большой. И что эти осколки говорят моим голосом. Будто бы я уверяла тебя, что не стреляла в Дитриха. Но я же только теперь это тебе говорю! Тогда ничего подобного еще не было!

— У какого же Дитриха? — тоже шепотом спросил Рейер. — У того, который ехал с тобой? Или у того, чье тело привезли ко мне из аэропорта?.. В ране на груди у него действительно были осколки. Я решил, что это от камня, который лежал у него в кармане. Я так и указал в акте. О каком Дитрихе ты говоришь?

— Не знаю, отец. Но когда мы расставались с ним на перроне, он дал мне кристалл изумруда и сказал, что пока этот камень будет со мной, он всегда придет мне на помощь.

— И его у тебя отобрали при обыске?

— Нет. Дороти была простужена и, когда мы выходили из вагона, надела на время мой плащ. Понимаешь? Кристалл в кармане плаща. Дороти тоже уже возвратилась из Марракеша. Принеси мне кристалл...

Рейер ошеломленно смотрел на дочь.

— Ты всю жизнь проработал в полиции. Неужели у тебя нет здесь друзей?

Лиз поняла: она задает вопрос, на который уже знает ответ. Если бы у ее отца здесь были друзья, разве она оставалась бы в этой тюрьме? Ее давно б отпустили. Пусть не совсем. Пусть на поруки. Ведь ее отец полицейский врач!..

В камеру вновь взглянул Бен-Буско.

— Хорошо, — сказал Рейер. — Я сделаю так, как ты просишь...

На самом-то деле, выходя из тюремной камеры, он еще не знал, что именно сделает. Если у этой Дороти действительно имеется кристалл изумруда, самое правильное просто отдать его инспектору Молуано. С того момента, как он узнал от Лиз о фотографии Дитриха, он понял: Молуано и Гиббс именно этот кристалл и разыскивают. И даже знают, что Дитрих передал его Лиз, и вот только не могут установить, куда он подевался потом.

Но будет ли этого достаточно — возратить кристалл? Не слишком ли много уже Лиз знает об этом Дитрихе? О событиях в аэропорту? Что значит, например, это их утверждение, будто господин, который был убит в Касабланке и незнакомец, который подвез Лиз в своей автомашине, одно и то же лицо? Ведь он, Рейер, твердо удостоверил, что Дитрих мертв. И теперь получалось — он жив!

— Инспектор Молуано у себя? — так ничего еще и не решив, спросил он у дежурного по управлению полиции лейтенанта Джефферса.

Джефферс — краснолицый широкоплечий мужчина лет тридцати пяти, с багровым шрамом поперек лба — отрицательно покрутил головой.

— А капитан Гиббс?

— Тоже нет. Что-нибудь срочное?

Они взаимно недолюбливали друг друга и разговаривали всегда очень коротко.

— Благодарю вас, — ответил Рейер, выходя из комнаты дежурного по управлению.

Теперь он уже окончательно знал: нельзя терять времени. Надо как можно скорее разыскать эту Дороти...

Примерно в то же самое время, когда Рейер и надзиратель Мохаммед Бен-Буско подходили к камере Лиз, в кабинете инспектора Молуано раздался телефонный звонок.

Молуано снял трубку.

— Это вы, Гаспар? — донеслось из нее.

— Да, — ответил Молуано.

Он узнал голос Каплофа.

— Вы по-прежнему отказываетесь сотрудничать с нашим бюро?

Молуано ничего не успел ответить, потому что Каплоф тут же спросил:

— И вы по-прежнему разыскиваете убийцу Бруно Дитриха?

— Это следственная тайна, Каплоф, — ответил Молуано таким тоном, каким поучают слишком назойливого мальчишку.

— Не заноситесь, — донеслось из трубки. — Однако, что вы, в конце концов, знаете об этом Дитрихе?

— Кое-что знаем.

Каплоф торжествующе рассмеялся:

— Вот именно — кое-что... Но вам известно хотя бы то, что по рождению он вовсе не Дитрих?.. Молчите? Вы озадачены? Но вы хотя бы включили магнитофон?.. Послушайте, я читаю: „1933 год. Эрих Штейдинг, уроженец Бремена, арестован в Берлине тайной полицией. Из-под следствия бежал... 1934 год. Вновь арестован. В Дюссельдорфе. Из-под следствия бежал... 1935 год. Новый арест. Из-под следствия бежал... 1937 год. Арестован, и без суда помещен в концентрационный лагерь особо строгого режима. Бежал... 1938 год. Арестован в Бремене, расстрелян, похоронен в общей могиле вместе с другими государственными преступниками...

Теперь наступила очередь рассмеяться Молуано:

— И что же из этого следует?

— То лишь, что когда в 1939 году в Бремен прибыл сингапурский коммерсант Бруно Дитрих, по отпечатки пальцев он был опознан тайной полицией, как Эрих Штейдинг. При аресте он оказал сопротивление, скрылся... Все это данные бывшего гестапо, инспектор.

Молуано понял уже, насколько важны сведения, сообщенные Каплофом, однако ответил, как можно более спокойно, даже с равнодушием в голосе:

— Все же будьте логичны. Если Эрих Штейдинг расстрелян в 1938 году, то причем здесь события в аэропорту?.. Отпечатки пальцев? Что ж, это тот редкий случай, когда они идентичны. Вы не допускаете, что такой случай может быть?

Капloff прервал его:

— Случай? Но причем же здесь случай! Известно ли вам, что два часа назад Бруно Дитрих выступал на конгрессе кристаллографов?

— Два часа назад? Где? — спросил Молуано.

— Полагаю, вы теперь достаточно заинтригованы, — насмешливо ответил Капloff. — Все дальнейшее не для телефона. Приезжайте в наше бюро. И если возможно, то прямо сейчас.

— Могу ли я захватить с собой капитана Гиббса? — спросил Молуано. — Следствие по делу Дитриха ведет непосредственно он.

— Конечно, именно с ним мы и будем работать...

Бюро всемирного сыскного объединения, которое возглавлял Капloff, находилось на противоположной окраине города, в тихом глухом переулке и занимало новое пятиэтажное здание с узкими полосками непрозрачного стекла вместо окон. Более всего оно походило на какой-либо завод или склад. Они нажали кнопку у входа. Дверь отворилась. За порогом, в полутемном и прохладном вестибюле, к ним тотчас приблизился высокий широкоплечий парень в берете, в серо-зеленых, покрытых вылинявшими маскировочными пятнами, куртке и брюках и, не задавая вопросов, даже не ответив на приветствие, проводил на второй этаж, в кабинет Капloffа. Это была просторная комната с металлическим письменным столом, несгораемым шкафом в углу и тремя мягкими креслами.

Капloff встретил их у порога, сердечно пожал руки, попросил сесть, устроился в кресле сам, словом, принял их,

как только мог лучше, однако, вслед затем заговорил так деловито, будто недавняя телефонная беседа вовсе не прерывалась:

— Конгресс кристаллографов происходил в Москве, и речь на нем шла о так называемых говорящих кристаллах.

— Откуда у вас эти сведения? — спросил Молуано.

Каплоф молчал.

— Но ведь Дитрих на самом деле убит. Наш полицейский врач вскрывал его. Имеется акт. Есть фотография женщины в черных очках, десятки свидетельских показаний.

То, что вскоре после вскрытия тело Бруно Дитриха действительно куда-то исчезло и что мужчина, похожий на этого человека, несколько позже был сфотографирован в обществе Лиз Рейер, он решил пока утаить.

— Вы всегда недооценивали нас, Молуано, — Каплоф рассмеялся тихо, но торжествующе.

— Вы хотите сказать, — вмешался Гиббс, — что Бруно Дитрих постоянно находится в поле зрения вашего сыскного объединения?

— Да, — согласился Каплоф, — и — откровенность за откровенность — скажу почему. Причина в том, что в ту пору, когда Эрих Штейдинг появился в Бремене с паспортом сингапурского коммерсанта, он был не только еще бесстрашней, чем когда-либо прежде, но и, пожалуйста не удивляйтесь, он уже был бессмертным.

Молуано в Гиббс быстро переглянулись. Потом Молуано спросил:

— И какой же смысл вы вкладываете в это понятие?

— Самый обычный. Дитриха невозможно убить.

— Разве есть люди, которых невозможно убить? — удивился Гиббс.

Каплоф продолжал:

— Насколько мы можем судить, это его качество находится в прямой связи с теми осколками изумруда, которые были обнаружены в груди Бруно Дитриха. Я говорю об акте, составленном полицейским врачом Рейером.

— Так, значит, там, на фотографии возле машины, действительно Дитрих! — воскликнул Гиббс, глядя на Молуано.

— Я не ошибся, это на самом деле он!

— Фотография? — спросил Каплоф. — Тогда — на стол. Вы же понимаете, это главное, для чего я просил вас приехать сюда.

Молуано и Гиббс молчали.

— Хорошо, — проговорил Каплоф. — Вы — представители государства, я — частное лицо, иностранец... Когда в 1938 году Эриха Штейдинга расстреляли и должны были похоронить, как мы полагаем, кто-то или что-то спасло его, но превратило, если так можно выразиться, в некое механическое устройство.

Гиббс прервал Каплофа:

— Бруно Дитрих — робот? Часы остановились, но смажь, замени детали, толкни маятник, и снова пойдут? Но кто? Кто это все делает?

— С того времени, — продолжал Каплоф, — Дитрих носит в груди особый аппарат.

— В виде кристалла изумруда?

— Да. Насколько мы можем судить, этот кристалл и подчиняет его некому центру. Оттуда идут приказания, туда передается все, что Дитрих видит и слышит. Это же, каким-то непонятным образом всякий раз воскрешает его, или, точнее, возвращает к деятельности. Жизнью мы это едва ли можем назвать. Или, во всяком случае, у вас пока нет оснований для подобных суждений.

Молуано поднялся с кресла и прошелся по кабинету. Обман? Но во имя чего им бы стал заниматься Каплоф?

— Однако, в чью пользу идет вся эта работа? — спросил он, подходя к Каплофу, — Кремль? Соединенные Штаты?

Каплоф пожал плечами:

— Ответа пока еще нет.

— И сколько же стоит каждый такой кристалл? — спросил Гиббс. — Если брать его просто, как драгоценный камень.

— Триста — четыреста тысяч дирхемов. Но это ничтожная доля того, что он стоит, как управляющий аппарат. Той цены мы просто не знаем. Она беспредельна!

Гиббс с недоверием и восхищением смотрел на Капloffа:

— Триста тысяч! И много же таких Дитрихов?

Капloff рассмеялся:

— Этого мы не знаем, хотя, не буду скрывать, наше Всемирное сыскное объединение как раз и создано для розыска подобных Феноменов. Причем мы сугубо частная исследовательская организация и не более.

— Но тогда-то уж вам, конечно, известно, кто именно стрелял в Дитриха, — с веселым подозрением глядя на Капloffа, сказал Молуано.

— И почему? — вмешался Гиббс. — Это главный вопрос.

— Видите ли, — начал Капloff, словно бы сомневаясь, говорить ему или нет, — примерно полгода назад в поведении Дитриха наметились некоторые опасные странности. Он ведь всегда держался таким рыцарем-одиночкой, а тут вдруг начал искать контактов с представителями стран Восточной Европы. Например, он что-то передал советскому геологу Юргину. Что?

— О-о, могу на это ответить, — сказал Гиббс, — кристалл изумруда, но какой? Запасной или тот, что хранился в его груди? И вот, ваше Всемирное сыскное объединение, чтобы проверить его, подослало женщину в темных очках... Допускаю даже, что это вообще ваш фирменный способ опознавания подобных субъектов: бац-бац, — и полная ясность! Воскрес — робот, не воскрес — человек... Просто и дешево.

Он говорил это так, поглядывая на Капloffа и Молуано, что было не ясно, надо ли всерьез принимать его слова.

Молуано вновь поднялся со своего кресла.

— Благодарю вас, Капloff, — сказал он и слегка поклонился.

— При выезде из страны советский геолог пройдет

настолько строгий таможенный досмотр, что кристалл у него обнаружат. Хотите пари?

Каплоф отрицательно покрутил головой:

— Это еще не все. Нам известно, что, прощаясь с Лив Рейер на перроне вокзала, Бруно Дитрих также ей что-то передал. Что? Еще один кристалл изумруда?

Молуано строго взглянул на Гиббса. Тот тоже поднялся со своего места. Теперь они все трое стояли.

— Задерживал ее лично я, — оказал Гиббс. — Сразу были приняты строгие меры надзора, самый тщательный обыск... Единственное, что она, пожалуй бы, могла — проглотить. Но это же камень ценой в триста тысяч дирхамов! Надо иметь глотку, как у бегемота!

— Подведем итог, — сказал Каплоф, — вольно или невольно, но отныне вы оба становитесь участниками нашего дела. Такие союзы, как вы понимаете, расторгаются только по обоюдному согласию. Вы усмехаетесь, Гиббс?

— Я думаю о дивидендах.

— Вы правы. Полк таких солдат, как Дитрих, дороже всего золота мира. Солдат, каждый из которых бессмертен, и, к тому же, насколько мы можем судить, начисто лишен обычных человеческих чувств. Возможно, что это вообще их единственный признак.

Гиббс рассмеялся:

— Вы цените их только живыми? Но ведь каждый из этих парней в прямом смысле ходячие изумрудные копии!

— Нет-нет, — прервал его Каплоф, — живой робот гораздо дороже. И, пожалуйста, учтите, что у нас есть для каждого из них очень солидные, если так можно выразиться, покупатели.

— Вы имеете в виду учредителей вашего сыскного объединения? — опросил Молуано.

— Да, — ответил Каплоф.

Когда Молуано и Гиббс вышли на улицу, в густую темноту раннего южного вечера, Молуано сразу заметил, что его помощник о чем-то напряженно думает. Все он делал как-то автоматически, словно бы, не видя ничего вокруг, ничего не замечая. Это чувствовалось даже в том, как он механически сел за руль автомашины, повернул ключ зажигания. Машина тронулась.

Таким же автоматическим движением Гиббс включил радиоприемник.

Из динамика вырвалась веселая мелодия. Пели о золотоискателях, ловцах жемчуга.

Молуано поморщился:

— Сделайте тише, и прошу вас...

Гиббс выключил приемник.

Некоторое время они ехали молча. Молуано закрыл глаза и вдруг спросил:

— Вы все еще думаете об этом Дитрихе, Гаспар?

— Да, Мак, — ответил Гиббс. — Наваждение! На кого бы я сейчас не глядел там, на улице, — он кивнул в сторону тротуара, где выхваченные светом фар теснились люди, — в голове одна мысль: „А, может, и у этого парня в груди триста тысяч дирхемов!“ Сколько лет нам с вами надо заниматься нашим делом, чтобы иметь такую сумму? Всю жизнь!..

Молуано на мгновение приоткрыл глаза и кивнул в сторону тротуара:

— Вы допускаете, что и среди них может оказаться какой-нибудь Дитрих?

— Если появился один, почему не быть и другим? Кто проверял? И наверняка отыщутся признаки, по которым удастся их опознавать... Чем-то просвечивать, взвешивать...

— Если принять все это всерьез, — ответил Молуано, по-прежнему не открывая глаз, — то нам с вами следует срочно создать компанию по добыче изумруда из сердец наших ближних.

— А что? — вызывающе спросил Гиббс. — Не так уж и глупо. Сколько человек гибнет в автомобильных катастрофах? А болезни? Голод! Война!.. Да, в конце концов, всегда отыщется способ. Была бы цель. И к тому же, Гаспар, читали вы хоть когда-нибудь в библии, в евангелии, — вы же любите читать эти книги, — о людях с камнем в груди?

— О таких людях в этих книгах ничего нет. Только если считать в переносном смысле.

— Но коли так, значит, лишение жизни подобного существа не преступление. И тогда уж открываются совсем невиданные возможности.

— Это, Гаспар, уже за гранью реального. Это фантастика...

Гиббс не ответил. Машина мчалась и мчалась по улицам вечернего города. Молуано задремал.

Очнулся он от того, что машина резко затормозила. Хлопнула дверца. Он открыл глаза:

— Мы приехали?

Он огляделся. Машина стояла на обочине. Слева и справа темнели кусты. Гиббса на сидении шофера не было.

— Мы приехали? — повторил Молуано. — Гаспар, что случилось?

— Одну минуту. Мак, — услышал он голос Гиббса и увидел, что тот стоит шагах в десяти от машины, впереди, в свете фар, — Прошу вас, шеф!

— Где мы? Что произошло? — недовольно повторял Молуано, выбираясь из машины и подходя к Гиббсу.

Тот стоял, засунув руки в карманы плаща.

— Вы помните, — сказал он, когда Молуано приблизился, — Каплоф говорил: „Главный признак этих роботов — отсутствие обычных человеческих чувств”. Но если так, шеф, то вы — робот.

— Что вы делаете. Гаспар! — крикнул Молуано, потому что Гиббс выхватил из кармана плаща пистолет.

— Вы — робот, — продолжал Гиббс, — и не надо глупить: ваше оружие у меня.

— Уберите, — приказал Молуано. — Пистолет не игрушка.

— Я же серьезно, шеф! Вы — робот. Вспомните! За всю свою жизнь вы не совершили ни одного доброго дела! Разве не так? У вас не сердце, а камень.

Молуано оглянулся: вокруг ни души. Темно. До ближайших строений полмили. И рядом — этот явно обезумевший человек. У него и глаза горят, как у сумасшедшего!

— Дорогой Гаспар, — начал он тихо и даже ласково. — Вы прекрасный работник. Сколько раз я представлял вас к награде... И вот, всего лишь вчера я составлял список... Я вам сейчас его покажу...

Он сделал вид, что роется в боковом кармане, а на самом деле поднял правую руку и согнул ее в локте, чтобы нанести удар.

— Сейчас я вам его покажу...

— Тихо! — услышал он вдруг и почувствовал, что пистолетный ствол жестко, так что на какие-то секунды даже перехватило дыхание, уперся ему под левую лопатку.

— Ни одного доброго дела... Или все же вы делали добро? Тогда скорее, Мак?

— Что скорее? — спросил Молуано.

— Скорее напомните хоть какое-нибудь одно ваше доброе дело — без корысти, без расчета... Я буду стрелять, Мак! Это ведь их способ проверки!

— Опустите пистолет! — проговорил Молуано тем резким и громким голосом, которого, как он знал, не выдерживали даже наркоманы портовых притонов, — Убийца! Тебя казнят!

— Скорее, Гаспар, — повторил Гиббс и Молуано вновь почувствовал сверлящий удар под левой лопаткой. — Ну, принесли же вы хоть кому-нибудь радость?

— Я был добрым ребенком, — ответил Молуано, из-за боли с трудом набирая воздуха, чтобы выговорить эти слова. — Я отдавал другим детям игрушки.

— Ну, а с тех пор, как вы стали работать в полиции? Не потому ли вы и пошли работать в полицию, что вас сделали

роботом? Вспомните! Это же ваша формула: „У полицейского нет и не может быть сердца. Его сердце — камень”. Камень, Гаспар!

— Я обычный человек, Мак. Ведь и на вашей совести нет добрых дел. И тоже нет ни одной человеческой черты.

— А стремление к богатству? Разве это не человеческая черта?

— Но ведь и я больше всего на свете хочу того же! Подумайте, наконец, что с вами сделает Капloff! Мы — компаньоны, Мак! Мак!..

Его вопль оборвал хлопок выстрела.

Минут через десять машина, за рулем которой сидел Гиббс, уже мчалась по улицам города. Гиббс управлял ею все в том же состоянии пружинной сосредоточенности. В мозгу его билась мысль: „Проклятый выродок! Самое обыкновенное сердце — и ни одного доброго дела за целую жизнь”.

В таком же состоянии автоматизма он выпрыгнул из машины возле здания полицейского управления, легко взбежал по его ступеням, вошел в комнату дежурного по управлению. Лейтенант Джефферс вытянулся перед ним.

— Господин капитан! Разрешите доложить, — проговорил он.

— Докладывайте, — приказал Гиббс, в упор глядя на Джефферса.

— Полчаса назад надзиратель Бен-Буско пытался передать подследственной Лиз Рейер какой-то зеленый кристалл. При попытке этому помешать, Бен-Буско убит.

— Где этот кристалл? — спросил Гиббс, надвигаясь на Джефферса.

— Он успел швырнуть его в камеру.

— Обыск?

— Не дал результатов.

— Кто делал обыск?

— Я. Со мной не поспоришь, вы это знаете лучше других капитан, но подследственная очень упряма.

Несколько секунд Гиббс смотрел на Джефферса так, будто впервые видел его. Потом приказал:

— Идите за мной.

Они пересекли внутренний двор и вошли в тюремную часть здания. Когда они уже миновали камеру Лиз Рейер и направились дальше, к лестнице, которая вела в подземную этажи, Джефферс спросил:

— Куда мы идем, господин капитан?

Гиббс не ответил.

Они вошли в одну из наиболее изолированных камер. Это был каменный мешок без окон. Карцер. Под потолком, сквозь решетку, тусклым угольком светилась лампочка.

Гиббс затворил за собой окованную железом дверь и обернулся к Джефферсу:

— Лейтенант, мне нужно знать: за всю свою жизнь, вы хоть когда-либо делали людям добро?

— Смотря за какое время, капитан, — ответил Джефферс. — И смотря что называть добром. У нас, бывших солдат иностранного легиона, о добре и зле свое особое мнение.

— И вас никогда не мучают сомнения?

— Нет.

— Вам никогда никого не жаль?

— Чего нет, того нет, капитан.

— Вы всегда были идеальным солдатам.

— Я очень польщен, капитан... Что вы делаете, капитан! — воскликнул Джефферс, увидев, что Гиббс наставил на него пистолет. — Капитан!

Он больше ничего не успел сказать. Грянул выстрел.

Минут через пять Гиббс вышел из камеры, брезгливо вытер носовым платком широкий охотничий нож.

— Скотина, — проговорил он про себя. — А еще опустошал Африку!..

Он вдруг умолк, потому что его поразила внезапно приведшая мысль! „А, может, я сам—робот?.. Я сам... сам... Мои добрые дела... Где?..”

Он возвратился в карцер, поднял со стола связку ключей, оброненную Джефферсом. Они были в крови. Но какое это имело значение?

— Встать! — скомандовал он, врываясь в камеру Лиз Рейер, и в полумраке не видя, что девушка и без того уже стоит, в ужасе прижавшись к противоположной от входа стене.

— Встать! — повторил он, подходя к ней. — Где то, что вам передали?

— Почему у вас руки в крови? — место ответа ответила Лиз.

— Где кристалл! — крикнул он, схватив ее за плечи.

— Вы убили моего отца? — спросила Лиз, в ужасе прижимаясь к стене.

Он швырнул ее на пол камеры. Иначе б он тут же задушил бы ее. А делать это пока еще было рано.

— Считаю до трех, — сказал он. — Раз...

Дверь камеры распахнулась. Высокий мужчина в сером костюме и пробковом шлеме прыжком обрушился на Гиббса, подмял его под себя, заломил ему за спину руки.

— Дитрих? — окрикнула Лиз, поднимаясь с пола. — Это вы!

— Скорее, — сказал мужчина в сером костюме, с презрением глядя на Гиббса, который как мешок, беспомощно лежал у его ног.

— Скорее!

В камеру вдруг заглянул Рейер, ее отец.

— Мы будем выходить через госпиталь, — торопливо сказал он. — Сейчас я проверю дорогу.

— Вы спасли меня, — продолжала Лиз, подойдя к Дитриху — это был действительно он. — Но ведь кристалл разбился. Я не сумела его сберечь.

— Я все равно слышал каждое слово, — ответил Дитрих. — Он остался самим собой. Мир един и неделим, Лиз!

Возвратился Рейер.

— Можно идти, — сказал он. — На шоссе что-то случилось. Будто бы убит Молуано и куда-то исчез Джефферс. В управлении ни души.

— Надо спешить, — прервал его Дитрих. — Паника скоро кончится.

— Но куда же мы? — спросила Лиз.

Более всего она боялась теперь, что Бруно Дитрих вдруг покинет ее.

— Вы можете довериться мне, — ответил Дитрих, беря ее за руку и настойчиво увлекая из камеры. — Но надо очень и очень спешить...

Дмитрий БРУСКИН

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ВЕДУЩИЙ: Итак, Дитрих, сопровождаемый отцом Лиз, ворвался в тюремную камеру в ту самую минуту, когда жизнь девушки висела, можно сказать, на волоске.

Все, что за этим последовало, представлялось потом Лиз почти невероятным, окончательно она пришла в себя только в тихом французском городке. Здесь их никто не знал, и никто ими не интересовался. Дитрих поселил Лиз и доктора Рейера в маленьком уединенном домике у моря, а сам сразу же уехал на Памир, сославшись на неотложные дела, о существовании которых Лиз, конечно, и не догадывалась.

... В огромном зале, вырубленном в толще горы, было полутемно. Но Дитрих сразу же заметил, что-то вроде пульта управления у дальней стены, кресло с высокой спинкой, стоящее перед пультом, и высеченную в стене распластанную, как будто летящую фигуру с птичьим клювом. В этот момент кресло отодвинулось, и из-за него появился высокий худой человек.

НЕЗНАКОМЕЦ: Добро пожалось, Дитрих. Ну, что же вы стоите? Проходите, не стесняйтесь. Это я вызвал вас сюда.

ВЕДУЩИЙ: Дитрих машинально пересек зал, обходя непонятные предметы, подошел к незнакомцу и, повинувшись его жесту, сел на стул.

Незнакомец медленно опустил в свое кресло и молча уставился на Дитриха. Только теперь Дитрих разглядел, что незнакомец довольно стар (лет семьдесят, решил он про себя) и совершенно сед.

ДИТРИХ: Кто вы, и как оказались здесь?

НЕЗНАКОМЕЦ: Кто я? Я, так же как и вы, был человеком, потом умер. И так же как вас, меня воскресили Они.

ВЕДУЩИЙ: Старик показал на летящую фигуру.

ДИТРИХ: Разве я...

НЕЗНАКОМЕЦ: Нет, вы не один. Правда, таких, как вы... таких как мы не очень много...

ДИТРИХ: А я думал... Но почему я ничего не знал об этом?

НЕЗНАКОМЕЦ: Потому что так пожелали Они. Только мне одному дано право знать всех служителей Разума.

ДИТРИХ: Служителей Разума... Ну, хорошо. Но зачем вы здесь?

НЕЗНАКОМЕЦ: Я нахожусь здесь всегда, вот уже много десятилетий. Здесь я выполняю свой долг, так же как вы должны выполнять его там, среди людей. Но вы плохо выполняете свой долг, Дитрих, и потому я ждал вас.

ДИТРИХ: Плохо выполняю свой долг?.. Не понимаю. По-моему, я делаю все, что нужно...

НЕЗНАКОМЕЦ: По-вашему, все, что нужно. А по-моему — больше чем нужно. Гораздо больше. Вот, взгляните на экран, полюбуитесь, к чему приводит ваша деятельность.

ВЕДУЩИЙ: Старик наклонился над пультом, пощелкал какими-то рычажками, и перед Дитрихом вспыхнул огромный экран. Дитрих сразу же узнал кафе гостиницы, в которой оставил Лиз и доктора Рейера. Рейер говорил с дочерью.

ДОКТОР: Да, дочка, плохи наши дела.

ЛИЗ: Почему, отец?

ДОКТОР: У нас кончаются деньги. Если через две-три недели твой друг Дитрих...

ЛИЗ: Наш друг, папочка...

ДОКТОР: Да-да, наш друг... Если он не появится здесь, нам придется туго.

ЛИЗ: Но разве ты не можешь заработать? Ведь ты же врач.

ДОКТОР: Нет, Лиз, я больше не врач. Мой диплом остался в Касабланке. А без него... Мало уметь лечить, девочка. Нужно еще иметь на это право. И к тому же...

ЛИЗ: Ты считаешь, что мы не должны привлекать к себе внимания?

ДОКТОР: Без сомнения... Да, в хорошенькую историю мы попали. И все их-за этого Дитриха...

ЛИЗ: Как тебе не стыдно, отец. Он спас меня. Если бы не он...

ДОКТОР: Если бы не он, тебя не нужно было бы спасать...

НЕЗНАКОМЕЦ: Ну, что вы на это окажете, Дитрих? Помоему, доктор Рейер прав. По вашей милости он действительно попал в чрезвычайно неприятное положение.

ДИТРИХ: Но я помогу ему!

НЕЗНАКОМЕЦ: Нет уж. Вы ему достаточно помогли. Теперь им и его дочерью займусь я сам. А вы должны немедленно прекратить все это.

ДИТРИХ: Что прекратить?

НЕЗНАКОМЕЦ: Не притворяйтесь, будто вы не понимаете меня. Я имею в виду ваши попытки установить кон-

такт с людьми. Ваше стремление раскрыть людям нашу тайну...

ДИТРИХ: Контакт с людьми... Но разве вы не человек? Разве мы не люди?

НЕЗНАКОМЕЦ: Нет, Дитрих, и я, и вы — служители Разума.

ДИТРИХ: А человеческий разум?.. Или по-вашему его просто не существует?!

НЕЗНАКОМЕЦ: Да, я вижу, ваше состояние еще опаснее, чем я предполагал. Вы действуете вполне сознательно. Это может плохо кончиться...

ДИТРИХ: Не нужно меня пугать...

НЕЗНАКОМЕЦ: Я не пугаю, Дитрих. Да и вряд ли возможно вас испугать. Я уже говорил, что знаю о вас все. По-вашему — мы люди. Это не так. Как люди мы уже умерли. Вас сравнительно недавно расстреляли фашисты, меня очень давно сожгла на костре святая инквизиция. Тем, что мы существуем, мы обязаны Им, и только Они имеют право распоряжаться нашими мыслями, чувствами и поступками.

ДИТРИХ: То есть нас превратили в роботов!

НЕЗНАКОМЕЦ: Ну, зачем же так резко. В биологическом смысле мы все-таки люди. Но мы не имеем ничего общего с человечеством. Все наши действия определены требованиями наших... мм... создателей.

ДИТРИХ: Хорошо. Тогда в чем же вы обвиняете меня? Если мои поступки запланированы, запрограммированы, так сказать, свыше, то каким образом я могу действовать вопреки воле своих „хозяев“?

НЕЗНАКОМЕЦ: Они не хозяева. Они наши друзья... Старшие по разуму друзья...

ДИТРИХ: Ладно. Пусть будут друзья. Но вы не ответили на мой вопрос.

НЕЗНАКОМЕЦ: Не стоит со мной хитрить, Дитрих. Вы прекрасно знаете, что, стремясь установить контакт с людьми, вы действовали в нарушение своей, как вы изволили выразиться, программы...

ДИТРИХ: А! Значит, я действительно человек!

НЕЗНАКОМЕЦ: Не спешите, Дитрих. Дайте мне договорить. Ведь вы не могли не заметить, что желание установить контакт с людьми появляется у вас только иногда, правда, в последнее время все чаще и чаще. И вероятно вы замечали, как изменялось ваше состояние в такие периоды. Разве вам не казалось, что вы свободны от всяких обязательств и можете делать все, что вам нравится? И, конечно, вы достаточно умны, достаточно много знаете, чтобы разобраться, в чем тут дело...

ДИТРИХ: Да, вы правы. Да, я понял, что происходит. Понял, что связь с каким-то центром, который диктует мне мое поведение, временами ослабевает, а, иногда исчезает совсем. В эти — иногда часы, иногда дни — я чувствую себя настоящим человеком. Таким же, каким был раньше... до своей смерти. И я постараюсь использовать эти перерывы в связи, чтобы рассказать людям все, что мне известно.

НЕЗНАКОМЕЦ: А почему вы думаете, что люди сами не сумеют во всем разобраться? Насколько мне известно, они начинают действовать довольно активно. Особенно Юргин, которому вы так симпатизируете... Кстати, он был здесь совсем недавно. И как вы сейчас убедитесь, решил всерьез заняться проблемой... мм... кристаллов.

ВЕДУЩИЙ: Экран снова вспыхнул. Дитрих узнал профессора Капустина, Юргина и Журавлева.

ЮРГИН: Вот, пожалуй, и все Алексей Иванович. Мы просидели там еще два дня, обшарили пещеру, осмотрели противоположный склон, но больше ничего не нашли.

ЖУРАВЛЕВ: Ты забыл про вентиляционную шахту...

КАПУСТИН: Что за шахта, Сережа?

ЮРГИН: Это Геннадий ее так назвал.

ЖУРАВЛЕВ: А что, не похоже?

ЮРГИН: Похоже, конечно... Понимаете, Алексей Иванович, в одной из стен пещер у самого потолка мы обнаружили отверстие...

КАПУСТИН: Большое?

ЮРГИН: Да, нет. Около двадцати сантиметров в диаметре...

ЖУРАВЛЕВ: А в глубине скалы, в сорока сантиметрах от стенки пещеры, от этой дыры вниз уходит какой-то канал.

ЮРГИН: У нас с собой было шестьдесят метров веревки. Мы опустили в эту дыру камень, но дна не достали.

КАПУСТИН: Хм... Интересно... Ну ладно, об этом потом. А фотографии, значит, опять не получились.

ЖУРАВЛЕВ: Не получились, Алексей Иванович. На пленке сплошной туман, да еще какие-то черные точки...

КАПУСТИН: Жаль-жаль...

ЮРГИН: А у вас есть что-нибудь новенькое?

КАПУСТИН: Да как вам сказать... Как будто ничего особенного не произошло... Кстати, давайте-ка ваш новый кристалл. Нужно и его возраст определить. Я тут составил небольшую таблицу распределения кристаллов по возрасту. Очень любопытная картина получается...

ЮРГИН: Значит, прибор Дитриха еще работает?

КАПУСТИН: Работать-то он работает... Да никто из наших инженеров до сих пор не может в нем разобраться. Ну, поглядим. ... Угу. Сейчас... Что за чудеса! Проверьте контакт, Гена.

ЖУРАВЛЕВ: Вроде все в порядке... А что такое?

КАПУСТИН: Странно... Все время работал, а сейчас никаких показаний... Нуль!

ЮРГИН: Нуль?! Минуточку... Вот уже проверенный кристалл. Семьсот лет. Держи, Генка....Закрепил?

ЖУРАВЛЕВ: Ага.

ЮРГИН: Видите, Алексей Иванович!

КАПУСТИН: Хм, семьсот...

ЮРГИН: Все верно!

ЖУРАВЛЕВ: Погоди, Сережа. Выходит, наш кристалл только что образовался.

ЮРГИН: Точно, Генка! Вернее, не только что, а неделю назад, в том самом ящике... Ну в пещере. А такой возраст прибор не покажет. Чувствительности не хватает.

КАПУСТИН: Значит...

ЮРГИН: Ну, конечно, Алексей Иванович! Они и сейчас здесь, понимаете...

КАПУСТИН: Не спешите, Сережа. Если я вас правильно понял, вы разделяете... гипотезу Дитриха о внеземном происхождении кристаллов.

ЮРГИН: А как же иначе? Кто их мог сделать в одиннадцатом веке?

КАПУСТИН: И как же вы все это себе представляете?..

ЮРГИН: Ну, вероятно, время от времени к нам на Землю прилетают неизвестные разумные существа из космоса и для каких-то своих целей производят эти кристаллы...

ЖУРАВЛЕВ: А может, метеориты...

ЮРГИН: В виде ящика?

ЖУРАВЛЕВ: Да, не сходится... А может, они когда-то давно прилетели, оставили здесь свою технику, ну и...

ЮРГИН: А Дитрих?..

ЖУРАВЛЕВ: Вот Дитрих и есть их робот.

ЮРГИН: Чушь, Генка... Найти бы его.

КАПУСТИН: М-да, Дитрих... Вот что, друзья, нужно готовить на Памир новую экспедицию. Только настоящую, без всякой кустарщины...

НЕЗНАКОМЕЦ: Ну, довольно. Вы понимаете, Дитрих, что вы натворили? Скоро эта экспедиция будет здесь. Правда, ничего нового она не обнаружит...

ДИТРИХ: Почему?

НЕЗНАКОМЕЦ: Потому что еще не время.

ДИТРИХ: А когда это время наступит?

НЕЗНАКОМЕЦ: Не могу вам сказать.

ДИТРИХ: Вы думаете, люди будут ждать, пока вы им милостиво откроете ваши тайны? Нет, они уже сейчас знают о многом...

НЕЗНАКОМЕЦ: Да, и не без вашей помощи, Дитрих. Точнее, только благодаря вашей помощи.

ДИТРИХ: Неправда. Конечно, я немного помог им. Но они и сами решили бы эту загадку.

НЕЗНАКОМЕЦ: Не думаю...

ДИТРИХ: А я уверен в этом...

НЕЗНАКОМЕЦ: Вот как? Тогда тем более непонятно ваше желание помочь им. Дайте людям возможность испытать свои силы.

ДИТРИХ: Я человек! Чтобы вы мне ни говорили! Такой же, как все живущие на Земле. И я стремлюсь принести людям пользу, а хозяева требуют, чтобы я был только их глазами и ушами. Вы говорите — они наши друзья. Может быть, не знаю. Но почему тогда они не хотят прийти к людям, стать их друзьями, дать им свои знания? Люди...

НЕЗНАКОМЕЦ: Люди... Люди очень разные. И вам, и мне кое-что об этом известно. Не так ли? А может быть, вы уже забыли? Тогда я вам напомним...

КАПЛОФ: Да!

КЕЙСИ: Можно к вам, шеф?

КАПЛОФ: Входите, Кейси. Что у вас?

КЕЙСИ: Есть новости.

КАПЛОФ: Выкладывайте.

КЕЙСИ: Наши агенты обнаружили Бен-Буску...

КАПЛОФ: Где он?

КЕЙСИ: Один агент убит, двое ранено...

КАПЛОФ: Я спрашиваю, где Бен-Буска?!

КЕЙСИ: Исчез...

КИПЛОФ: Ослы!

КЕЙСИ: Следы Дитриха, Лиз Рейер и ее отца ведут в Европу...

КАПЛОФ: Продолжать поиски. Разошлите фотографии Лиз и доктора Рейера всем полицейским службам.

КЕЙСИ: Простите, шеф, может быть, фото Дитриха — тоже?

КАПЛОФ: Ни в коем случае. Вы что, хотите, чтобы кто-нибудь перехватил его у нас из-под носа?

КЕЙСИ: Понятно.

КАПЛОФ: Что еще?

КЕЙСИ: Юргин с небольшой экспедицией снова был на Памире. Похоже, что это связано с нашей операцией.

КАПЛОФ: Похоже. Очень похоже... А где он сейчас?

КЕЙСИ: В Ленинграде.

КАПЛОФ: Ладно, Кейси. За Юргина тоже отвечаете вы. Возможно, он наведет нас на Дитриха. А то и на всю их организацию.

КЕЙСИ: Вы думаете, шеф, это целая организация?

КАПЛОФ: Не знаю, Кейси, не знаю. В этом нам еще предстоит разобраться.

КЕЙСИ: Больше ничего нового нет.

КАПЛОФ: Список готов?

КЕЙСИ: Да, шеф. Вот он. Здесь — все научные организации и отдельные ученые, которые занимаются кристаллами. По странам.

КАПЛОФ. Давайте. Так... не густо... Ну-ка, что там у русских? Москва, Ленинград... опять Москва... Это все?

КЕЙСИ: Пока все.

КАПЛОФ: Угу... Немцы, шведы... Франция... Так. Ясно. А это кто? Гюнтер Гродоцки, Соединенные Штаты Америки. Хм... Интересно...

КЕЙСИ: По-моему, он малость не в себе...

КАПЛОФ: Яснее!

КЕЙСИ: Понимаете, шеф, сам он кристаллами не занимается. Но когда в прессе появилась информация об этом московском конгрессе, он напечатал статью, в которой пишет... пишет, что...

КАПЛОФ: Ну? Что вы мямлите?

КЕЙСИ: В общем, он утверждает, что это все из космоса.

КАПЛОФ: Что из космоса? Кристаллы?

КЕЙСИ: Да. И кристаллы... И все остальное тоже...

КАПЛОФ: Занятно... вот что: достаньте мне эту статью. Срочно.

КЕЙСИ: Будет сделано, шеф.

КАПЛОФ: Можете идти. Значит, космос... Любопытно.
А как же Дитрих?

НЕЗНАКОМЕЦ (некоторое время он и Дитрих сидели молча). Вот, видите, Дитрих... Если бы разыскать вас хотели только такие, как Юргин...

ДИТРИХ: Ну, компании Каплофа до меня не добраться!

НЕЗНАКОМЕЦ: Согласен. Но в этом мире долго хранить тайну невозможно. То, что станет известно Юргину, рано или поздно узнают и другие. Вы подумали, к чему это может привести?

ДИТРИХ: Вы называете себя служителем Разума, но в победу разума вы не верите.

НЕЗНАКОМЕЦ: Погодите, не будем спорить, а только хочу предупредить вас. Не думайте, что вы первый из... гм... скажем, из коллег, кто пытался действовать самостоятельно.

ДИТРИХ: Очень рад этому...

НЕЗНАКОМЕЦ: Да, были такие и до вас. Одни из них пытались использовать подаренное им могущество в корыстных целях. К сожалению, в ряды наших коллег иногда, правда, очень редко, попадали люди, недостойные этой чести. А перебои в связи и контроле бывали и раньше, хотя и гораздо реже, чем сейчас.

ДИТРИХ: И что же с ними происходило?

НЕЗНАКОМЕЦ: Их отключали от системы.

ДИТРИХ: То есть — убивали.

НЕЗНАКОМЕЦ: Ну, зачем же убивали. Их просто возвращали в то состояние, из которого раньше извлекли. Вы, конечно, знаете о кристалле в вашей груди...

ДИТРИХ: Узнал после того, как меня пытались убить в Касабланке ...

НЕЗНАКОМЕЦ: Угу. Но были и другие. Те, кто, как вы, стремились служить человечеству. Они тоже считали, что время для контакта уже пришло.

ДИТРИХ: И как поступали с такими?

НЕЗНАКОМЕЦ: Как правило, мы доказывали им, что они неправы.

ДИТРИХ: А если это не удавалось?

НЕЗНАКОМЕЦ: Мне о таких случаях ничего не известно. Хотя... впрочем, это неважно... Я только хочу добавить, что у вас все равно ничего не выйдет. Вы и сами уже, наверное, заметили, как в нужный момент контроль восстанавливался?

ДИТРИХ: К сожалению. Но я не теряю надежды...

НЕЗНАКОМЕЦ: Оставьте это, Дитрих...

ДИТРИХ: А что вы так беспокоитесь? Ведь у вас есть простой выход — возьмите и отключите меня.

НЕЗНАКОМЕЦ: Это не в моей власти. Да и сюда я вызвал вас, нарушив все правила.

ДИТРИХ: Зачем же вы это сделали?

НЕЗНАКОМЕЦ: Зачем? Перебои в связи становятся очень длительные и случаются все чаще... Да и здесь аппаратура работает не слишком надежно... Очевидно, какие-то технические неполадки... Я боюсь, что вы успеете натворить такого...

ДИТРИХ: Вы правы. Мне надо торопиться... Прощайте.

Владимир ДМИТРЕВСКИЙ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВЕДУЩИЙ: Итак, устами старшего, всеисильные даны выразили Дитриху свою волю — не открываться людям. Но ведь кристалл, заменивший ему сердце, не лишил Дитриха его человеческой сущности. Он не переродился в дана, для которого целесообразность всегда оставалась кратчайший прямой между двумя точками. Нет, он остался человеком, пусть без сердца, но уж никак не бессердечным. Порой ему даже казалось, что в левой стороне груди, где когда-то у него билось сердце, копошится нудная щемящая боль. Что ж, и люди с ампутированной рукой или ногой ощущают иногда давно отсутствующие пальцы... Дитриха всецело захватила грандиозная идея космической связи, воплощенной в Великом Кольце, идея, по-видимому, родившаяся у данов и людей почти одновременно. Беда заключалась в том, что во всех своих многочисленных встречах с людьми, злыми и добрыми, тупыми и умными, ему так и не удалось обнаружить ни одного посвященного в тайну Великого Кольца.

Покинув пещеру, затерянную в теснинах Памира, Дитрих твердо решил, как можно скорее встретиться с советскими геологами. Но уже в пути ему стало известно, что знаменитый английский астрофизик Роберт Трейл прочтет в Вашингтонском университете лекцию „Межгалактическая связь”. И, отложив встречу с Юргиным и Капустиным, Дитрих отправился в Вашингтон.

Лекция английского ученого привлекла множество слушателей.

(Шум)

Роберт Трейл, разделавшись с полетами на Луну и ближайшие планеты Солнечной системы, перешел к гипотетическим путешествиям в глубины космоса.

ТРЕЙЛ: Здесь, господа, мы встречаемся с трудностями поистине ошеломляющими. Решение этой проблемы не по плечу ни внукам, — ни правнукам. Теория вероятности, подсказывает, что поиски ближайшей обитаемой планеты могут занять миллион лет. Да, господа, миллион! Это значит, что против реальности путешествия в глубинный космос выступает биологический фактор, с которым нельзя не считаться.

ДИТРИХ: Здесь вы допускаете ошибку.

(Шум. Голоса: — Кто это? — Как он смеет?)

ТРЕЙЛ: Кажется, кому-то показалось, что я совершил ошибку? Возможно, но только с точки зрения великовозрастного балбеса, который подозревает, что в небо вбиты хорошенькие обойные гвоздики, и на нейлоновом шнурочке подвешена лирическая луна. Но я не расстался с надеждой, что какая-то часть присутствующих здесь думает несколько иначе.

(В зале хихиканье)

ГОЛОСА: Валяйте, профессор!.. — Апперкот в солнечное сплетение!

ТРЕЙЛ: Вот решающий аргумент: если мы сможем достичь звезд, то сможет это и кто-то другой. Фантастически не похоже, что мы сделаем это раньше других. Возникает естественный вопрос — почему же никто до сих пор не явился на нашу маленькую планету? Нет, господа! Выход один — телевидение. Вот единственный способ обмена великими сведениями. Конечно, не на том жалком уровне, к которому мы привыкли, и я подозреваю, что вокруг нас, буквально возле самого нашего носа осуществляется этот обмен. Когда мы сможем получить информацию оттуда, наступит новый, наиболее революционный этап человеческого мышления. Перефразируя известный псалом, я хочу кончить словами: Я поднимаю глаза к небу, откуда идет мне помощь!

(Шквал аплодисментов, одобрительных выкриков и восторженного свиста обрушился на взлохмаченную голову английского ученого).

ВЕДУЩИЙ: Трейл демонстративно задрал голову и несколько мгновений пристально вкладывался в кремовый потолок, мягко освещенный скрытыми источниками „дневного света“. Но хотя он призывно воздел руки кверху — на до блеска белых манжетах угрюмо сверкнули рубины, — помощь на этот раз не пришла.

Небрежно раскланявшись, Трейл поспешно исчез в боковых дверях. Но не так-то просто скрыться от энтузиастов межпланетной телевизионной связи!

Лишь только профессор, в пережившей серьезные невзгоды фетровой шляпе и под куполообразным черным зонтиком, вышел из Университета, к нему метнулась разноцветная волна нейлоновых плащей.

ГОЛОС: Простите, сэр, но вы на самом деле убеждены, что они общаются друг с другом?

ГОЛОС: Что по этому поводу думает большая труба Джодрел Бэнк?

ГОЛОС: По-видимому, существует система спутников?

ГОЛОС: Летающие блюдца — миф или все же реальность?

ГОЛОС: Я бы хотела ваш автограф, профессор. Вот портрет, который я...

РЕПОРТЕР: Пустите-ка, мисс! Профессор, я Пинч из „Юнайтед Пресс Интернешнл“. Всего три вопроса. Они там уже испробовали нейтринную бомбу? Считаете ли вы, что всеобщий страх — гарантия равновесия? И, наконец...

ТРЕЙЛ: Меня не интересует политика, мистер... гм... мистер Пинч. И я не намерен отвечать на ваши идиотские вопросы. Я не голливудская звезда, мисс, хотя и имею некоторое отношение к звездам ... Блюдца, молодой человек, такая же реальность, как мой зонтик. Но только блюдца для джема... Прошу пощады, джентльмены, у меня пересохло в горле...

РЕПОРТЕР: Пинта пива, профессор, и будет о`кей!

ВЕДУЩИЙ: Тут на помощь Трейлу пришел дождь. Косой и резкий, он забарабанил по куполу зонтика, как супер-ударник из джаза Рикки Хейлопа. Студенты рассыпались по подъездам. Только Пинч из ЮПИ, то отставая, то забегая вперед, пытался выудить из Трейла сенсацию.

РЕПОРТЕР: Простите, профессор, только один вопрос...

ТРЕЙЛ: Пустой номер. Лучше не затрудняйтесь, мистер Пинч. Как-никак, я устал изрядно и хочу побыть наедине с самим собой, вытянуть ноги у электрического камина в своем номере и не торопясь выкурить трубку.

РЕПОРТЕР: Но, если вы разрешите, я вам еще позвоню потом.

ТРЕЙЛ: Прощайте, прощайте.

ДИТРИХ: Одну минуту, профессор... Мне необходимо поговорить с вами, профессор Трейл.

ТРЕЙЛ (*про себя*). Где я слышал этот голос? Ну что вам еще? А-а, кажется это вы, молодой человек, осмелились утверждать, что я допустил ошибку?

ДИТРИХ: Семантически неудачно построенная фраза. Приношу извинения. Я только имел в виду, что вы не располагаете необходимой информацией.

ТРЕЙЛ: А, вот что! Мне остается только предполагать, что объем информации, которым владеете вы, более обширен.

ДИТРИХ: Неизмеримо более обширен. Но тут нет вашей вины.

ТРЕЙЛ (*про себя*). Какое странное лицо у этого человека, бледное, неподвижное, точно замороженное. — Кто вы?

ДИТРИХ: Разве это так важно, профессор?

ТРЕЙЛ: Что вам от меня надо?

ДИТРИХ: Вы должны выслушать меня.

ТРЕЙЛ: Я никому ничего не должен. Кроме того, я तो-роплюсь, да и не хочу мокнуть под дождем. Поэтому, будьте здоровы.

ДИТРИХ: Подождите. Почему вы умолчали о суперсветовых скоростях, доступных в N-пространстве?

ТРЕЙЛ: N-пространство? Недурно придумано! Вы мистер — писатель-фантаст?

ДИТРИХ: Познав законы и свойства N-пространства, обитатели Космоса — даны не раз посылали свои летательные аппараты в нашу систему.

ТРЕЙЛ: Так вы, значит, гм... дан?

ДИТРИХ: Я человек, профессор. Точнее, я был человеком.

ТРЕЙЛ (про себя). Час от часу не легче. Худо, если бы он оказался писателем-фантастом, но куда хуже, коли он сумасшедший...

— Все это исключительно интересно, мистер. И я надеюсь, что мы найдем время для обстоятельной беседы. Но только не сегодня. Вечер у меня, знаете ли, расписан буквально по минутам.

ДИТРИХ: Только сегодня и только сейчас. У меня очень мало времени. Думаю, что не больше десяти минут.

ТРЕЙЛ (*про себя*). Если он на меня теперь набросился... Черт побери! Дождь загнал всех по домам... И полисмена не видно...

— Ну, десять то минут я, пожалуй, могу вам уделить. Но давайте пройдемся. Под моим зонтом хватит места обоим.

ДИТРИХ: Благодарю, профессор. Вот вы не верите ни одному моему слову. Убеждены, что я сбежал из психиатрической лечебницы... Это очень досадно, профессор, потому что у меня действительно нет времени, чтобы убедить вас.

ТРЕЙЛ (фальшиво): Что вы! Я вовсе так не думаю. Но, в самом деле, зачем терять дорогое время! Что важное хотели вы мне сообщить?

ДИТРИХ: Только то, что даны уже побывали на нашей планете и поручили мне говорить с человечеством.

ТРЕЙЛ: Но я не могу представлять все человечество. Для этого у меня слишком вздорный характер.

ДИТРИХ: Ваша сегодняшняя лекция, отвлекаясь от слабости некоторых аргументов, заставила меня предположить, что вы тот самый человек, которого я ищу.

ТРЕЙЛ: Очень польщен, но...

ДИТРИХ: Минуту терпения, профессор. Вы действительно убеждены, что существует обмен информацией в масштабах Галактики?

ТРЕЙЛ: Абсолютно. Думаю, что нет надобности повторять все, что составляло тему моей лекции. Наступит когда-нибудь день, и наши далекие потомки станут абонентами галактической „телефонной книги”.

ДИТРИХ: И вы действительно верите, что помощь человечеству придет оттуда?

ТРЕЙЛ: Допустим.

ДИТРИХ: Тогда вы тот, кто мне нужен. Но еще один вопрос. Что вам известно о Великом Кольце?

ТРЕЙЛ: Это еще что за штука? Какая-нибудь секта? Отношусь к сектам отрицательно.

ДИТРИХ: Почему секта? Самая целесообразная форма общения вселенского ума. Даны проявляют к ней большую заинтересованность.

ТРЕЙЛ: Но я всего-навсего астрофизик. Меня зовут Роберт Трейл и, уверяю вас, я никакого отношения не имею к этому Великому Кольцу.

ДИТРИХ: Как жаль, профессор Трейл! Тогда я буду просить вас только об одном. Пошлите телеграмму в Москву профессору Капустину.

ТРЕЙЛ: А почему вам самому не послать телеграмму?

ДИТРИХ: Меня могут немного задержать, на мой след напали ищейки Каплофа. Не спорьте, Трейл! Вот адрес. Телеграфируйте, что я постараюсь быть в Москве, у него дома, в следующий вторник в двенадцать часов...

ВЕДУЩИЙ (*шум подъехавшей машины*). Огромный черный „олдсмобиль” круто затормозил у самой кромки тротуара. Распахнулась дверца и четыре тяжеловеса в белых халатах ринулись на собеседника Трейла. Сам профессор получил сильнейший толчок, выронил зонтик и больно ударился плечом и локтем о стену дома. Санитары, завернув руки Дитриху за спину, подняли его в воздух и потащили к машине.

ТРЕЙЛ (*про себя*): Все-таки я не ошибся... это сумасшедший.

ДИТРИХ: Чуть не забыл: пусть Капустин пригласит к себе Юргина. Не забудьте, пожалуйста.

САНИТАР: Молчи, собачье мясо!

ТРЕЙЛ: Но я же не знаю... От кого телеграмма? Ваше имя?

ДИТРИХ: Телеграмма должна быть подписана так: Бруно Дитрих, коммерсант из Сингапура. Бруно Дитрих.

САНИТАР: Замолчишь ты, наконец?!

ТРЕЙЛ: Помогите! Убивают!

САНИТАР: Перестаньте сотрясать воздух, профессор Трейл. Мы наконец поймали этого буйно-помешанного. Все это вас совершенно не касается.

(*Шум отъехавшего автомобиля*)

ВЕДУЩИЙ: Черный „олдсмобиль“ рванулся и мгновенно исчез. Профессор Роберт Трейл постоял на Роллинг Роуд, растопырившись и разинув от изумления рот, и отправился на почту.

ВЕДУЩИЙ: Ровно через семь дней в московской квартире Капустина собрались трое. Сам хозяин и его ученики — геологи Юргин и Журавлев.

КАПУСТИН: Получив телеграмму, я решил, что нашу экспедицию следует задержать еще на несколько дней.

ЮРГИН: Так-то оно так, Алексей Иванович, но есть опасение, что мы стали жертвами мистификации. Уж очень странная телеграмма.

КАПУСТИН: Что же в ней странного, Сережа? Проще арбуза. Прочтем еще раз.

„ПРОФЕССОРУ АЛЕКСЕЮ КАПУСТИНУ ТЧК ЗАДЕРЖИТЕ ЭКСПЕДИЦИЮ ТЧК ПОСТАРАЮСЬ БЫТЬ У ВАС ПОЛДЕНЬ МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ ВТОРНИК ДЕВЯТНАДЦАТОГО ТЧК ПРИГЛАСИТЕ ЮРГИНА ТЧК БРУНО ДИТРИХ КОММЕРСАНТ ИЗ СИНГАПУРА“. ИЗ ВАШИНГТОНА.

ЖУРАВЛЕВ: Ждать-то совсем недолго.

ЮРГИН: Ты что ж думаешь, Журавлев, наш непостижимый Дитрих уподобится Филеасу Фоггу и явится к нам с двенадцатым ударом часов?!

ЖУРАВЛЕВ: Все возможно в наше время, когда заговорили кристаллы, а в пещерах появился розовый мох.

ЮРГИН: Ты оптимист, Гена. Мы, словно ребятишки, дожидаемся деда Мороза с мешком подарков. *(Звонок)*. Кажется, звонят?

КАПУСТИН: Сейчас схожу.

ЮРГИН: Ты думаешь — он?

ЖУРАВЛЕВ: Сейчас все узнаем.

КАПУСТИН: Увы, друзья, всего-навсего письмо и посылка.

ЮРГИН: Я же говорил — мистификация.

КАПУСТИН: Письмо из Лондона, от профессора Трейла. Совсем из другой оперы.

ЖУРАВЛЕВ: Знаменитый астрофизик?

КАПУСТИН: По-видимому. Самое любопытное, что мы с ним незнакомы. Что нужно великому создателю теории гравитационного поля, от скромного геолога? О! Внимание, друзья! „Уважаемый коллега, я много слышал о вас и счастлив...” Ну, тут, обязательные любезности ... Так... так... А вот существенное: „И этот странный человек, назвавшийся коммерсантом Дитрихом, дал мне ваш адрес и взял слово, что я пошлю вам телеграмму. Должен признаться, что он произвел на меня впечатление не вполне нормального человека. Заподозрив, что я состою в какой-то секте Великого Кольца, он был чрезвычайно огорчен, узнав, что я вообще противник всякого рода сект. Я, конечно, выполнил обещание и отправил вам телеграмму, но...” Теперь самое главное! Трейл далее пишет: „Но вам нет смысла ждать этого подозрительного коммерсанта. Я сам был свидетелем, как его схватили служители психиатрической лечебницы. Вероятно, это опасный сумасшедший. Он боялся чего-то не успеть. Он жаловался мне на преследование какого-то Каплофа.” Дальше — несущественно: „Остаюсь и прочее”.

Трейл написал это письмо сразу же по возвращении в Англию. Боюсь, мои дорогие, что тайна „говорящих кристаллов” отодвинулась от нас еще дальше.

ЮРГИН: Но причем тут санитары? Дитрих никак не производил впечатления ненормального человека.

ЖУРАВЛЕВ: А что это за посылка, Алексей Иванович?

КАПУСТИН: Вот маленький пакетик. Сейчас вскроем.

ЮРГИН: Обыкновенная жестяная коробочка, по-видимому, из-под пилюль.

(Бой часов)

ЖУРАВЛЕВ: И набита ватой.

ЮРГИН: А в вате какой-то предмет, завернутый в бумагу.

КАПУСТИН: Что еще за сюрприз?

ЮРГИН: Кристалл! Немыслимо прекрасный...

ЖУРАВЛЕВ: Изумруд... а может что-то иное... Двенадцать часов... Ну что я вам говорил!

ЮРГИН: Да, но причем тут Дитрих?

КАПУСТИН: Постойте, здесь что-то написано. Дас ист майн херц. Это мое сердце. И подпись — Бруно Дитрих... И еще в скобках — „запасное”. Что может это значить?

В тот же момент от лежащего на ладони Капустина кристалла возник бесконечно далекий, холодный голос, сказавший по-русски:

ДИТРИХ: Простите, произошла техническая неполадка...

Ольга ЛАРИОНОВА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КАПУСТИН: ... даст ист майн херц... Это — мое сердце. И еще в скобках: „запасное”. Что это может означать?

ГОЛОС ДИТРИХА *(из кристалла)*: Простите, произошла техническая неполадка...

ЮРГИН: О черт, и в который это раз?!

ГОЛОС ДИТРИХА: В последний, мистер Юргин.

ЮРГИН: Дитрих? Не отключитесь, Дитрих, нам надо спросить вас...

ГОЛОС ДИТРИХА: Я не смогу ответить на ваши вопросы.

ЖУРАВЛЕВ: С вами что-то случилось? Вас держат в заключении?

ГОЛОС ДИТРИХА: Все уже в порядке.

ЮРГИН: Но где вы?

ГОЛОС ДИТРИХА: Я там, где вы рано или поздно побываете.

ЖУРАВЛЕВ: Но скажите...

ГОЛОС ДИТРИХА: Следите за сообщениями кристаллов... Следите за сообщениями кристаллов... *(Его голос затухает. Пауза)*

ЖУРАВЛЕВ: Дитрих!

ЮРГИН: Бесполезно. Связь прервалась.

ЖУРАВЛЕВ: Между прочим, вы не находите, что это звучало несколько загробно: „Я там, где вы рано или поздно побываете...” Особенно, если сопоставить это с тем, что мы получили его сердце.

КАПУСТИН: Мне кажется, что он хотел сказать что-то другое. Хотел...

ЮРГИН: Но не имел права.

КАПУСТИН: Вот именно. Меня смущает другое: как попал к мистеру Трейлу этот изумруд? Почему он ни слова не упоминает о нем в письме?

ЖУРАВЛЕВ: А вот почему: письмо и посылка присланы из разных мест!

КАПУСТИН: Ну-ка, ну-ка... Действительно! Мистер Трейл писал из Лондона, а посылка пришла...

ЮРГИН: Из Парижа. Нас ввело в заблуждение то, что их доставили одновременно. Ну, да: обратный адрес — Париж, улица... семнадцать, Лиз Рейер.

ЖУРАВЛЕВ: Прелестно! Мы ожидаем Дитриха в Ленинграде, а он пропадает у прелестных парижанок. Честное слово, ко всем этим тайнам говорящих кристаллов только и не хватало красоты из какого-нибудь варьете на Монмартре.

ЮРГИН: Не шуми, Геннадий. Мы же не знаем, кто такая эта Лиз Рейер. Но кто бы они ни была, она видела Дитриха, получила от него камень и записку и... что-то у нее произошло.

КАПУСТИН: Но — что?

ЮРГИН: Я бы много дал, чтобы узнать это...

ВЕДУЩИЙ: Но ни Юргин, ни Журавлев, ни сам Капустин так ничего и не узнали ни о Лиз Рейер — дочери полицейского врача Касабланки, год назад обвиненной в убийстве Дитриха, ни, тем более, о том, что происходило в Париже четыре дня назад. А происходило там вот что:

ЛИЗ: Я боюсь, отец! Эти деньги, которые мы получили неизвестно от кого, рано или поздно кончатся. Напрасно мы перебрались в Париж, все-таки здесь слишком дорого.

РЕЙЕР: Не отчаивайся дочка. Несколько месяцев мы протянем, а там я подыщу себе хоть какую-нибудь работу. Мой врачебный диплом выдан во Франции, а это главное. Я верю... *(Стук в дверь)* Войдите!

ЛИЗ: Бруно... Мистер Дитрих! Боже мой, а мне почему-то казалось, что я вас больше никогда не увижу!

ДИТРИХ: Ну, зачем же так безнадежно? Добрый вечер, доктор. В Париже на редкость ясно.

ЛИЗ: Там, где вы были, шли дожди?

ДИТРИХ: Проливные. И, к счастью, с грозами. Это мне помогло. Ну, да не об этом сейчас разговор. На тот случай, если мне придется срочно вас покинуть... я сразу начну с главного.

ЛИЗ: Я слушаю вас, мистер Дитрих.

ДИТРИХ: Это касается вас, Лиз, и вас, доктор. Вот рекомендательное письмо, оно обеспечит вам место дежурного врача на парижском ипподроме. Вы ведь травматолог, если я не ошибаюсь? Это не бог весть что...

РЕЙЕР: Боже мой, вы еще спрашиваете! Да это предел того, о чем я мог мечтать — в Париже... нет, невероятно! Какие же у вас связи, мистер Дитрих?

ДИТРИХ: О, доктор, весьма скромные. Здесь все решили деньги. Кстати, о деньгах. Вот сумма, которая позволит вам, Лиз, продолжить ваше образование. А это — как говорится — на черный день. Не бойтесь их продавать — они не говорящие.

РЕЙЕР: Бриллианты? Признайтесь, Дитрих, кого вы ограбили?

ДИТРИХ: О, слышу голос бывшего полицейского врача. Но не бойтесь, доктор. Я просто отобрал это у настоящего грабителя. Тем более, что ни ему, ни его шайке на этом свете ничего больше не понадобится.

ЛИЗ: Они на вас напали?

ДИТРИХ: Да, под видом санитаров. Мне так надоело их преследование, что я решил встретиться с ними со всеми разом, и позволил себя увезти. Как я и думал, машина направилась не в психиатрическую лечебницу, а на загородную виллу мистера Каплофа.

ЛИЗ: Ну, и вы...

ДИТРИХ: В газетах сообщалось, что вилла сгорела от удара шаровой молнии. В тот вечер действительно была гроза. Я же воспользовался санитарной машиной, на которой меня туда доставили, и через полчаса был на аэродроме, разминувшись по дороге с полицейскими и пожарниками.

ЛИЗ: Значит, это деньги и ценности покойного Каплофа?

ДИТРИХ: Пусть вас это не волнует, Лиз. В конце концов, вы ведь этого могли и не знать. А они принесут больше пользы человечеству, если вы окончите Сорбонну, чем... *(Снова стук в дверь)*. Кто-нибудь знает, что вы переехали сюда?

РЕЙЕР: Никто.

ДИТРИХ: Значит, это за мной. Доктор, Лиз — наверх! Быстро! И не спускайтесь, даже если услышите выстрелы.

(Настойчивый стук)

— Кто там?

ГОЛОС СТАРИКА: Отворите, Дитрих!

ДИТРИХ: Это вы? Покинули свою пещеру с розовым мхом? Садитесь, я только запру дверь. А то я удивился, как это полиция так быстро у спела напасть на мой след.

СТАРИК: Я за вами, Дитрих.

ДИТРИХ: Все-таки за мной. Приказ данов?

СТАРИК: Да, приказ данов. Но на этот раз он относится не только к вам, но ко всем нам. Мы все понадобились Им. Нас ждут.

ДИТРИХ: Хорошо. Но я должен попрощаться с Лиз, с доктором Рейером...

СТАРИК: Не нужно, Дитрих! Мы не знаем, зачем призывают нас даны, и сколько времени мы будем отсутствовать. Не нужно, чтобы Лиз вас ждала. Исчезните для нее навсегда. Тем более, что отправляться мы должны немедленно.

ДИТРИХ: Может быть, вы и правы. Билеты на самолет у вас?

СТАРИК: У нас нет времени для полета.

ДИТРИХ: До сих пор мы, бессмертные, настолько не дорожили временем, что передвигались по Земле, как и люди, и лишь в исключительных случаях прибегали к перемещениям в пространстве по способу данов.

СТАРИК: Думаю, что сегодня мы имеем именно такой исключительный случай. Но прежде, чем уйти, вам придется сделать еще одно. Возьмите бумагу и пишите...

ЛИЗ: Отец, там внизу тихо. Может быть, нам спуститься?

РЕЙЕР: Не будь любопытной, девочка. Мистер Дитрих нас позовет, когда будет нужно.

ЛИЗ: Я думаю, если бы это оказались враги, то мы слышали бы какой-нибудь шум, выстрелы, в конце концов.

РЕЙЕР: Но если бы это были друзья, он позвал бы нас сразу, чтобы мы не беспокоились...

(Громкий звон, странный звук)

ЛИЗ: С ним что-то случилось, отец!

(Стук каблучков вниз по лестнице)

РЕЙЕР: Лиз, постой, Лиз! Осторожно!

ЛИЗ: Но здесь никого нет...

РЕЙЕР: Странно... Ведь двери заперты изнутри, окошко не открывается... Смотри, записка!

ЛИЗ: „Я вынужден вас покинуть. Прощайте, доктор Рейер, прощайте, Лиз. Выполните мою последнюю просьбу: отправьте немедленно вот эту посылку. Бруно Дитрих”.

РЕЙЕР: Если это так срочно, то может быть, Лиззи, мы сами отвезем ее по указанному адресу?

ЛИЗ: Но она адресована в Россию...

ВЕДУЩИЙ: Не только Бруно Дитрих, коммерсант из Сингапура, исчез в этот вечер при столь загадочных обстоятельствах. В ближайшие дни поступили сообщения о внезапном исчезновении еще нескольких человек в разных концах света.

(Истерические телефонные звонки)

1-й ГОЛОС: Алло, прокурор? Только что из окружной каторжной тюрьмы исчез... Что? Преступник? Никак нет, сэр. Исчез из своего кабинета главный смотритель тюрьмы!

2-й ГОЛОС: ... рулевой первого класса Кнут Олафсон с норвежского китобойного судна исчез при исполнении служебных обязанностей и в присутствии старпома китобойца...

(свист, писк, морзянка...)

3-й ГОЛОС: Майор военно-воздушных сил Штатов Аллен Бэдфорд, находившийся в бетонированном бункере на глубине шестидесяти футов под землей...

4-й ГОЛОС: Скрипач Альфредо Тосои, только что закончивший первое отделение концерта...

ВЕДУЩИЙ: Исчезновения прекратились так же внезапно, как и начались; полиция, разведки и частные детективы мира вот уже четвертый день безуспешно пытались выпутаться из затруднительного положения. В некоторых газетах появились по этому поводу довольно загадочные статьи, впрочем, особого шума никто не поднимал, и большинству людей в мире вообще ничего не было известно об этих происшествиях. Конечно, ни Юргин, ни Журавлев, ни сам

Капустин тоже ничего этого не знали. Занимало их совсем другое — голос Дитриха предупредил: ждите. Но сколько нужно было ждать?

КАПУСТИН: Друзья мои, а вы обратили внимание на одну деталь: мистер Дитрих сказал — следите за сообщениями кристаллов — во множественном числе...

ЖУРАВЛЕВ: Следовательно, нам не обязательно сидеть на квартире у Алексея Ивановича над этим вещим изумрудом. У нас три камня: кристалл кварца, заговоривший первым год назад, потом желтый топаз, найденный тобой, Сергей, и вот этот изумруд.

ЮРГИН: Ну и прекрасно. Мы берем каждый по камню и не расстаемся с ними ни днем, ни ночью. А каждый вечер мы собираемся и...

(Телефонный звонок)

КАПУСТИН: Да, профессор Капустин... Юргин? Да, у меня. Вас, Сережа.

ЮРГИН: Юргин слушает. Да... Сплошные обвалы, слышал. И новые трещины... ?... Да, Журавлев тут. Да... Это что, срочно? Да. Сейчас будем.

ЖУРАВЛЕВ: Вызывают в Управление?

ЮРГИН. Вот именно. Как специалистов по пещере с розовым мхом.

ЖУРАВЛЕВ: Нажили себе титул! Это в связи с позавчерашними обвалами?

ЮРГИН: Из Управления сообщают, что все это продолжается вот уже третий день и не затухает ни на минуту. Постоянная вибрация почвы, грохот, и все — строго локально.

КАПУСТИН: Насколько я понимаю, катастрофа охватывает только тот горный массив, на вершине которого расположена знаменитая пещера? Но пока организуется экспедиция, пока вы туда доберетесь...

ЮРГИН: Алексей Иванович, самолет вылетает через полтора часа. На место нас доставит вертолет.

ЖУРАВЛЕВ: Вот это оперативность! Похоже, что действительно происходит что-то такое, что затмевает все прежние чудеса с кристаллами.

КАПУСТИН: М-да... Ну что же, мне остается только пожелать вам удачи. Берите каждый по кристаллу, как мы договорились... (гудок автомобиля) По всей вероятности, это за вами. Счастливого пути! И как бы вы там ни были заняты — не забывайте: нам собирались сообщить что-то очень важное. Ждите сигналов.

(Ровный стрекот вертолета)

ПИЛОТ: Товарищ Юргин, подлетаем!

ЮРГИН: Что-то я места не узнаю...

ПИЛОТ: И все-таки это ваша гора. Иду на посадку, лагерь у подножья.

ЖУРАВЛЕВ: Сергей, попроси пилота подвести вертолет как можно ближе к горе!

ПИЛОТ: Не имею права, — приказ. Разобью машину. Грохот слышите?

ЮРГИН: Мотор мешает!

ПИЛОТ: Сейчас сядем — услышите. Видите, издалека кажется, что гора закрыта облаком, а на самом деле это смерч!

ЖУРАВЛЕВ: Таких размеров? Смерч?

ПИЛОТ: Сейчас вы в этом сами убедитесь. Приготовьтесь, мы садимся.

ПИЛОТ *(сквозь грохот и шум ветра)*: Товарищ начальник, группа геофизиков и сейсмологов из Ленинграда доставлена.

НАЧ. БАЗЫ: С прибытием, товарищи! Держитесь за тросы — ветер с ног валит. Ну, как, видали что-нибудь подобное?

ЮРГИН: До сих пор — нет!

ЖУРАВЛЕВ: Какова сила толчков?

НАЧ. БАЗЫ: До пяти баллов, но они следует друг за другом почти непрерывно.

ЮРГИН: Эпицентр толчков установили?

НАЧ. БАЗЫ: Эпицентр, похоже, на вершине!

ЮРГИН. Это же абракадабра! Во всяком случае, на естественное явление это не похоже.

НАЧ. БАЗЫ: Что?

ЮРГИН: Бред, говорю! Фантастика!

НАЧ. БАЗЫ: Четвертый день такая фантастика! Затем вас и вызвали.

ЮРГИН: Надо подойти ближе!

ЖУРАВЛЕВ: При таком ветре не перебраться — в пропасть снесет!

НАЧ. БАЗЫ: Пытались фотографировать с воздуха — того не легче: пленка засвечивается.

ЮРГИН: Какова высота смерча?

НАЧ. БАЗЫ: Порядка пятнадцати километров.

ЖУРАВЛЕВ: Действительно, фантастика!

ГОЛОС: Товарищ начальник базы, радиация возрастает. Пока еще в пределах нормы...

(Особенно гулкий удар, начинает нарастать электронный восходящий звук)

ЮРГИН: Смотрите, облако засветилось!

НАЧ. БАЗЫ: Все в укрытие!

(Звук нарастает, оглушительный грохот — и вдруг неожиданная тишина)

ЮРГИН: Фу, черт, как тихо — даже в ушах звенит.

ЖУРАВЛЕВ: И облако как будто тает... Во всяком случае, контуры горы уже проступили.

ЮРГИН. Точно! Только... Слушай, Генка, ты помнишь ее абрис? Вершину помнишь? Пещера была справа, за уступчиком.

ЖУРАВЛЕВ: Как ножом срезано! Ни вершины, ни пещеры...

НАЧ. БАЗЫ: Как там с радиацией?

ГОЛОС: Едва заметно падает.

ЮРГИН: Что ж, начнем готовиться к восхождению.

НАЧ. БАЗЫ: Рановато. А вдруг все это повторится?

ЖУРАВЛЕВ: Опять ждать! Ох, до чего же я устал от этой неизвестности! Чудеса, загадки, превращения, воскрешения, исчезновения. Когда все это, черт побери, прояснится?

Словно в ответ ему раздается мелодичный удар гонга и легкий восходящий звук.

ГОЛОС: Внимание! Говорит Галактика!

НАЧ. БАЗЫ: Это еще что за гром с ясного неба?

ЮРГИН: Тише!! Не из неба, а из кристаллов.

ГОЛОС: Внимание! Говорит Галактика! Слушайте нас, люди Земли! Мы, человечество Галактики, объединенное Великим Кольцом, обращаемся к вам. Много веков мы следили за вашим развитием, убежденные в том, что рано или поздно вы образуете свободную, высокоразвитую цивилизацию, готовую к выходу в космос. Мы видим, что это время для Земли стало уже реальным, осязаемым будущим. Вы уже вышли в ближний космос и готовитесь к высадке на другие планеты. Ваши народы неуклонно стремятся к тому, чтобы образовать единое, всеземное, справедливое (голос затихает) государство...

ВЕДУЩИЙ: Да, это говорили кристаллы. Синие и желтые, лиловые и зеленые, они заговорили все разом — на Памире

и Мадагаскаре, в Гренландии и в Австрии, в пустынях Калахари и Невады, на берегах Ганга и Миссисипи. И все люди — англичане и малайцы, испанцы и мальгаши, итальянцы и туареги, каждый на своем языке, слышали одно и то же:

ГОЛОС: Люди Земли! Как только вы придете к этому государству, мы примем вас в содружество Великого Кольца. Для этого мы приступаем к сооружению межпланетной станции на спутнике одной из дальних планет солнечной системы. Как показала история развития других звездных систем, только объединенное человечество всей планеты способно создать корабль для полета на такие расстояния. И когда такой корабль на Земле будет создан — свяжитесь с нами, люди Земли. Для этого мы оставляем вам кристалл минерала, который вы называете изумрудом. Он хранится в Ленинграде у людей, имена которых — Капустин, Юргин, Журавлев. Они называют его „Сердце Дитриха”. Свяжитесь с нами, когда вы будете готовы. Наши позывные — „Галактика”. Мы укажем вам, где находится наша станция, которая к тому времени уже будет построена. Вы прилетите туда и встретите там людей. Эти люди на протяжении веков помогали нам установить связь с Землей, с отдельными ее представителями. Это было очень сложно, потому что по своему строению мы, даны, все-таки отличаемся от людей. Наши кристаллы до последнего времени работали нечетко, отражая мысли людей, которые заглушали наши передачи и приводили в недоумение ваших ученых. Теперь наши помощники обеспечили нам бесперебойную связь с вами. Но не ищите их, они покинули вашу планету и будут вместе с нами сооружать станцию Великого Кольца в солнечной системе.

Мы ждем вас на этой станции. Мы ждем вас и верим вам. До встречи. Технических неполадок — не будет.

